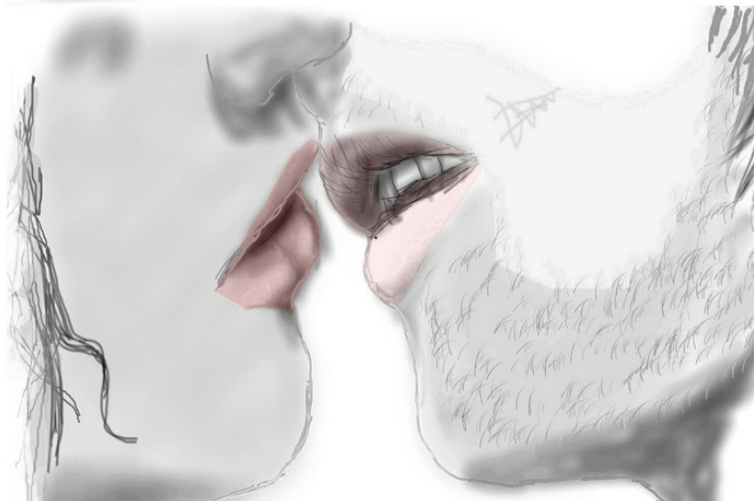

АЛЕКСАНДР БЕРЕСТНЕВ

МЕРТВЫЕ НЕ ПОТЕЮТ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Александр Берестнев

Мертвые не потеют

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18575653

ISBN 9785447481452

Аннотация

Молодой в меру циничный частный детектив распутывает цепочку убийств и покушений. Бандиты и коррупционеры, наркотики и похищенные реликвии сплелись в клубок опасных противников добропорядочных (и не очень) граждан, правоохранителей и обаятельных женщин. Мимолетные связи не обходятся без забавных и комичных походов. А ирония и юмор в сочетании с холодным и трезвым расчётом помогают находить верные решения.

Содержание

1	5
2	22
3	38
4	52
5	66
6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Мертвые не потеют
Иронический детектив
Александр Берестнев

© Александр Берестнев, 2016

Редактор Игорь Харичев

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Летний вечер был тосклив, как очередной визит к врачу, и ничто не предвещало заметных перемен. Назойливых комаров с удовольствием заменил бы на весёлую собеседницу, но никого не ждал, и никто не собирался скрасить холостяцкое одиночество. В полудрёме возникали как знакомые, так и образованные видениями создания, всегда игравшими немаловажную роль в судьбе. Вначале материнская опека и ненавязчивый надзор старшей сестры. Потом школьные и студенческие подруги, и просто миловидные представительницы слабого пола, которых я никогда не сторонился, а напротив, немало времени проводил в их обществе. Так как я не мог соперничать с Аленом Делоном, один внешний вид которого располагал дам к продолжению телесного знакомства, приходилось потом и кровью осваивать тернистый путь, на котором попадались ревнивые мужья и хмурые неудачники. Но преграды не останавливали, а раззадоривали. В конце пути звучали победные фанфары (не путать со свадебным маршем Мендельсона), жаркие поцелуи, предвещающие не менее волнительные любовные игры. Главное, в многовековой забаве не доводить ситуацию от потоков слез и размазывания косметики до заверений в вечной любви. Любовь – любовью, но необходимо вовремя и решительно пресекать всяческие попытки окольцевания. Не позволять,

чтобы тебя, похлопывая по загривку, отвели, объезженного и взнузданного, в семейное стойло. Пока мне это удавалось, но за всё надо платить, в том числе и за холостяцкую свободу. Уверен, что у противоположного пола отличные от моих взгляды, и есть немало причин и доводов быть убеждённым в своей правоте. Но на то мы и противоположности, чтобы по-разному относиться к одним и тем же событиям.

А при моём образе жизни всегда возможен неожиданный поворот событий, вместо размеренного распорядка добропорядочного семьянина. Можно просто предаваться лени, как сегодня, или резко поменять атмосферу и навестить кого-нибудь, кто положительно воспримет твой приход. Или отправиться туда, не знаю куда, но где твоей персоне будут рады и, наверняка, найдешь пару-тройку смазливых спутниц, готовых любезно подать тебе утренний кофе в койку. Вообще, существует масса вариантов, как разнообразить вечер или найти, как говорится в народе, приключения на своё мягкое место.

Будничные раздумья, как скоротать вечер, и извечный вопрос: «Что делать?» прервал телефонный звонок.

«Вот и ты сейчас сгодишься и кому-то пригодишься» радостно подумал я, совершенно не сомневаясь, что и ещё кому потребовался компаньон на ближайшие часы.

Незнакомый голос, прошуршавший в трубке, немного озадачил и заинтриговал:

– Роза.

Я, как в детской считалочке, продолжил:

– Роза, мимоза, мак. Все цветы мне надоели, кроме...

– Оставьте ваши дурацкие шуточки с цветами, – голос в трубке не поддержал моего игривого настроения:

– Я не цветок, я – Розалинда. Имя такое, – назидательно, как в школе, пояснила она и закончила привычно поставленным голосом. – Круча.

Все понятно. В нашем городе не так много людей с подобной фамилией и редкой профессией антиквара. Да и жили мы на соседних улицах. Наш район считался спальным, без многоэтажек, только частные особняки с земельными участками. И, соответственно, здесь обитали состоятельные горожане, так сказать, элита местного разлива. Семья Тихона Андроновича Кручи, жившего на соседней улице, входила в этот круг. Хотя и я здесь обосновался вот уже как несколько лет, но попал сюда по чистой случайности, и не стал «своим» для местных обитателей, но и изгоем они меня не считали. Со многими встречались и были знакомы благодаря специфике моей теперешней работы – консультанта по вопросам безопасности или, как называют иные, частного детектива. Работу нельзя назвать очень уж приятной и о ней не мечтают в детстве. Но кому-то надо заботиться о безопасности чуждых и незнакомых тебе людей или следить за ними, следуя указаниям клиента. Не из-за страсти к подглядыванию в замочную скважину, а в соответствии с прозой повседневной жизни – кушать надо каждый день. Для чего зарабаты-

вать на хлеб, желательно с икрой и маслом, да и на всё иное, сопутствующее достойному существованию – жильё, одежду и прочие мелочи жизни, делающие её сносной. Пригодились полученное образование и практический опыт.

Окончив юридический факультет и проработав около десяти лет следователем в прокуратуре, теперь я самостоятельно зарабатывал на жизнь частной практикой. Это только красиво звучит: риск – дело благородное. Риск, неотъемлемая часть моей сегодняшней профессии и не всегда безопасная. В прошлом году мы похоронили одного из наших коллег – его зарубил один ненормальный ревнивец, ошибочно приняв за любовника, а не телохранителя.

Я уже свыкся с угрозами и запугиваниями, но никак не могу привыкнуть к посягательствам на мою внешность и здоровье – несколько раз меня довольно сильно били. Мне не понравилось. И мой характер от данных мероприятий не улучшился, за исключением невольно приобретенной привычки к постоянным тренировкам по рукопашному бою, позволявшим держать себя в хорошей форме. С другой стороны, стройная фигура высоко котировалась в дамском обществе: поставьте рядом подтянутого, с накачанными мышцами молодого человека и более пожилого, да ещё начавшего заплывать жирком. Десять из десяти предпочтут провести вечер с первым.

– Дмитрий Александрович, – продолжал, показавшийся заплаканным, голос. – Добрый вечер.

– И вам того же, – учтиво поприветствовал я.

– А вот для меня-то он как раз и не добрый, – подавленно прозвучало в ответ. – Я, как вам уже сказала, жена Кручи.

В ожидании продолжения, прикидывал: зачем я мог понадобиться? Начало беседы какое-то неопределенное, не знаешь что и ответить.

– Тихон ушёл, – печально продолжила собеседница, но совсем не так, как сообщают о рядовом походе в булочную за хлебом.

Мне были неинтересны конечные точки маршрута и мотивы путешествия Кручи, хотя он мог уйти не «куда», а от «кого», и поэтому уточнил:

– Куда?

Насколько мне известно, брачная жизнь у семейства Кручи складывается как нельзя удачно. Муж делал хорошие деньги на перепродаже антиквариата, а Роза-Розалинда прекрасно содержала квартиру в образцовом порядке, была большой любительницей принимать гостей и, как утверждают злопыхатели, не только в доме и не всегда в дневное время. Благо стареющий муж не страдал припадками ревности и смотрел сквозь пальцы на шашни своей половинки. Несколько раз я бывал у них, но исключительно по необходимости и делам по работе. При встречах на улице мы вежливо раскланивались, но на Новый Год друг к другу в гости не ходили и поздравительными открытками не обменивались. Кручу помнил, а вот образ жены как бы растворился,

и я смутно представлял её. Единственное, знал, что Тихон намного старше.

– Из жизни. – Мои догадки и неполадках в семье не оправдались. Тихон Андронович ушел туда, откуда не возвращаются.

– Умер? – Вопрос, кажущийся на первый взгляд глупым, таковым не являлся. В своей работе я видел много разных способов лишения жизни. В том числе и не по собственной воле.

– Вроде бы умер, – не уверенно ответила она. – А может и убили.

Предположения относительно способа ухода из жизни антиквара давали пищу для размышлений. Профессия Кручи была связана с деньгами и сопутствующим риском, и порой антиквары умирали не от старости, и не своей постели. А бизнес Тихона Андроновича, конечно, тоже соприкасался с чем-то не совсем законным, а может быть, даже и криминальным. Но о его делах, способных привести к такому печальному финалу, слышать не приходилось.

– Э-э, – замялся я, пытаюсь вспомнить, как её зовут по паспорту, а не придуманному имени.

– Роза Константиновна, – прозвучала подсказка.

– Роза Константиновна, примите мои глубочайшие соболезнования, – я старался, чтобы в моём голосе звучала скорбь, и боялся сфальшивить.

– Принимаю, – поблагодарила вдова. – Но вам звоню со-

вершенно не для того, чтобы услышать банальное сочувствие. Мы ведь, практически, незнакомы.

Мне нечего возразить, да и я не знал, что в таких случаях говорить.

– И что вам до малознакомой женщины? – Не ожидая ответа, раздраженно продолжила она. Готов поклясться, фраза явно была выхвачена из какой-то мелодрамы и, для полноты картины, сопровождалась прикладыванием тыльной стороны ладони ко лбу.

– Роза Константиновна, – участливо начал я.

– Зовите меня Розалиндой или попросту Розалией, – Не дослушала Круча и перебила. – Я моложе вас, и так нам будет удобнее.

Ну да, девочка и в тридцать пять будет утверждать, что совсем недавно отмечала своё двадцатилетие, не уточняя, в годах или десятилетиях измеряется слово «недавно». Будем играть по предложенным правилам. Чем теснее и доверительнее контакт с клиентом, тем скорее приходит взаимопонимание. Хочет быть Розалиндой-Розалией, пусть будет. Праздная жизнь быстро развращает и создает вокруг таких дам иллюзионный мир и подражание величественным, благородным и, обязательно, богатым героям их любимых слащавых сериалов. Но думаю, при встрече у неё хватит ума не протягивать руку для поцелуя. Ручки, как и другие места, я могу целовать, но в определенной обстановке и только у понравившейся дамы.

– Хорошо, Роза Константиновна. – Я решил придать официоза. – Чем могу быть полезен?

– Вот вы, кажется, именно тот, кто может мне быть полезен сейчас. – В трубке всхлипывания стали заметно реже. – Поэтому и звоню.

– Так что я могу сделать для вас? – Подталкивал я Розу перейти непосредственно к делу. – Почему вы решили обратиться именно ко мне?

– Из беседы Тиши с одним нашим общим знакомым я поняла, что вы работали в КГБ, – ошарашила меня Круча. – И если без лишнего шума с положительным результатом нужно решить вопросы безопасности, то он рекомендовал обращаться к вам. – И добавила неуверенно. – Но вообще-то я думала, что КГБ больше не существует.

– Вы не ошиблась, уважаемая Розалинда. – От самого такого факта я развеселился и перешел на предложенную недавно форму общения. – Я был еще юнцом, когда КГБ перестало существовать. Его больше нет, всё в далеком прошлом. Но это была могучая отлаженная организация. Правда, там понимали безопасность по-своему, но работу свою знали и успешно справлялись с поставленными задачами. При них такой вседозволенности, как сейчас, не было. Недовольных сажали, а слишком недовольных, как Троцкий, могли и ледорубом тюкнуть по голове. Да и за границу попадали по великому благу или за согласие стучать на товарищей по турпоездке.

– Да-а... – Протянула вдова.

Не понятно, к чему относилось разочарование. К тому, что убивали и сажали, или, что больше нет таких исполнителей.

– Я же, наоборот, стараюсь, чтобы никого невинного не посадили и тем более не убили. – Пояснил просто, но доходчиво. – Являюсь консультантом по вопросам безопасности, сокращенно КВБ. – Повторил по слогам. – Буквы вроде бы похожие, но не совсем одно и то же.

– Тогда все верно, вы тот, кто мне нужен. – Жёстко, не допуская возражений, заявила Роза. – В связи со смертью мужа я и решила обратиться к вам по вопросам безопасности.

– Роза, вы, наверное, не поняли, – продолжил дружелюбно. – Я решаю вопросы безопасности для живых. Мёртвые нуждаются в услугах других специалистов.

– Да причем здесь мёртвые? – Нервно возразила вдова. – Вопрос о моей личной безопасности.

– Ну, а вы-то, чего опасаетесь? – Я был немного удивлён предложением.

– Меня хотят убить, – выпалила вдова.

Заявление прозвучало неожиданно, но многообещающе. Богатый муж-антиквар, напуганная вдова, а у меня, как пел Высоцкий: «гусей, не кормленных, косяк, но дело даже не в гусях, а всё неладно» – долги из-за строительства дома прочно держали за горло. Конечно, грубо думать о материальной выгоде – покойника ещё не закопали. Но таковы ре-

лии моей профессии. Занимаясь чьей-то охраной, постоянно сталкиваешься с теми, кто хочет её нарушить. Как ни цинично звучит, но я зарабатываю на угрозе жизни другим, и это наложило определенный отпечаток на образ мышления. Как в кино: ничего личного – бизнес.

– Во-первых, успокойтесь, Роза Константиновна, – от неожиданности такого поворота событий, забыв про Розалинду-Розалию, непроизвольно обратился к ней по имени-отчеству. – Смерть вашего супруга не означает, что кто-то желает и вам того же...

– Нет, – Не дала договорить вдова. – Я не психопатка с навязчивыми идеями. Мне сегодня звонили и угрожали.

– А когда умер Тихон Андронович? – Смирившись с неизбежным начал её расспрашивать уже как клиентку.

– Позавчера.

– Но позвонили только сегодня?

– Не знаю, может, звонили и раньше, но эти два дня в доме толкалось столько ментов, что мне было не до звонков. Расспрашивали, записывали, отпечатки снимали. Полнейший дурдом.

Её жаргончик добавил несколько штрихов к облику потенциально клиента. Интонации голоса выдавали крайнюю степень раздражения, что можно было понять. Жила, ни о чем не заботясь, и тут смерть мужа, полиция, похороны, угрозы. Не дай бог ещё любовник вылезет из-под кровати или спрячется на чердаке... Есть от чего если и не сойти

с ума, то нервы потрепать основательно.

– Узнали голос звонившего? – Как положено в таких случаях, уточнил я.

– Нет. – После некоторой паузы ответила Роза Константиновна и жалобно попросила: – Вы должны мне помочь и что-нибудь для меня сделать.

– Розалинда, – я перешел на удобную и приятную ей форму общения. – У вас есть кто-то рядом, в доме? Имеются в виду друзья, близкие?

– Да. Есть тут и родные, и знакомые, – опять судорожно всхлипнула она. – Я уже боюсь их всех. Так смотрят, будто я во всем виновата.

– Не волнуйтесь. Вам только кажется. – Стараясь успокоить её, попробовал говорить убедительно.

В ответ послышалось шмыганье носом.

– Раз звонили, значит, что-то хотят от вас, и убивать сейчас не будут. – Я уже прикидывал, кем же могут быть эти «они». – Да и народ в доме, – привел ещё один аргумент.

– Ну, спасибо, успокоили. – Роза хотела подчеркнуть своё неудовольствие таким отношением к себе. – Значит, грохнут не сегодня, а подождут до завтра?

По телефону решить все проблемы невозможно, надо ехать на место.

– Думаю, в ближайшее время ничего не случится. – Я предлагал ей пока горькую пилюлю, но другого лекарства нет, и надо трезво оценивать своё положение. – Уверен

в этом. А пока попросите кого-нибудь из близких остаться сегодня ночевать. Одного-двух человек.

– Ладно, мне даже некоторые предлагали. – Без колебания согласилась Розалинда.

– Я сейчас заеду к знакомым ребятам из охранного агентства и через часик мы подъедем и посмотрим, что нужно сделать.

Ответа я не ждал, выбор сделан, приступаем к работе.

– Когда похороны?

– Завтра, – устало сообщила Розалия. – Как обычно, на третий день.

Я произнес что-то невразумительное, должное означать очередное сочувствие.

– Хотя я и не знаю, православный он или еще какой веры. – Разоткровенничалась вдова. – У него же не было родственников, он из детдомовцев. Иконы у него были, но они для работы. А чтобы он ходил в церковь, мечеть или синагогу, такого не припомню.

Вот так и прошла жизнь рядом с близким человеком – умер, а жена не знает, по какому обряду предать его земле. Покойному безразлично, но существуют определенные традиции. Вдова всё практично оценила и, не став копаться в тонкостях вероисповедования, решила сделать так, как ей проще.

– А экспертизу провели? – Зная практику следствия, уточнил я. – Труп отдадут?

– Да, звонили, сказали, можем забирать. Завтра из морга сразу на кладбище, – в трубке фыркнули. – Тиша заранее побеспокоился, купил участок.

Интересно, он чего-то боялся или это простая предусмотрительность, распространенная в последние годы? Многие «новые русские» хотят быть похоронены чуть ли не в фамильных склепах, но не всякий из них знает свою родословную дальше третьего колена.

– Потом поминки, – уныло пояснила она. – Не знаю, много народа придет или нет. Тихон ведь мало с кем близко сходился, хотя знакомых почти полгорода.

Несмотря на такое заявление, я был уверен, что у расторопной вдовы уже составлен подробный список участников траурного мероприятия, а также смета расходов.

– Надо же, – вдруг, совсем не к месту, пожалела Роза. – А у нас билеты на сегодняшний концерт, теперь пропадут.

И так бывает – покойник оказался виновным не только в том, что умер, но и в том, что умер не вовремя, лишив супругу полагающихся ей зрелищ.

Выслушивать дальнейшие причитания не имело смысла. Для составления объективной картины нужно пообщаться лично, в таких делах мелочей не бывает. Любая, даже небольшая, оплошность и недосказанность может стоить чьей-то жизни. Или денег.

– До встречи, выезжаю, – закончил разговор, окончательно принимая предложение.

Быстро собравшись, позвонил Борису, директору охранного агентства «Скорпион». С ним, помимо дружеских, у меня были давние деловые отношения. Обсудив детали предстоящей работы, поехал к нему.

Несмотря на то, что у меня довольно новый БМВ, а до офиса Бориса чуть более десяти километров, добирался до него около часа. Не из-за того, что были пробки на дорогах, а потому, что, как отметил великий Гоголь, в России две беды: дураки и дороги.

И именно вторая напасть доставала автовладельцев нашего города до самых печёнок.

Каждый год всё лето по дорогам ползали асфальтоукладчики, суетились дорожные рабочие. Но также регулярно, каждую весну с последним снегом асфальт исчезал с дорог, оставляя на них рваные раны, как после бомбежек.

А в дураках оставались мы, налогоплательщики, деньги которых, выделяемые на ремонт, благополучно перекачевывали в карманы местных чиновников и руководителей дорожных фирм. Неплохо шел бизнес и у владельцев автосервисов, ремонтными работами они были обеспечены постоянно.

Городок наш неплохой, старинный. Есть упоминания, что во времена татаро-монгольского ига через него проходили русские войска на Куликово поле. И во время становления Московского государства наше сторожевое поселение с ка-

заками и стрельцами играло важную роль в охране российских рубежей, постоянно подвергавшихся нападению воинственных соседей.

В годы индустриализации, в тридцатых годах прошлого столетия, вид города сильно изменился. Многочисленные новостройки вытеснили одно и двухэтажные дома. Были возведены предприятия, открыты новые учебные заведения. Архаичные постройки сменились домами из стекла, кирпича и бетона, но стремление быть ближе к природе осталось, как и у наших предков. Так и возник на окраине города наш посёлок, со всеми благами цивилизации и в шаговой доступности от первозданной природы. Прямо за домом начинался подмосковный лес с грибами и ягодами, недалеко протекала река с рыбой и раками, где летом симпатичные девчонки загорали на берегу.

Городское население перевалило за двести тысяч. Молодёжь днём корпела над учебниками в филиалах московских ВУЗов, а ближе к ночи заполняла развлекательные площадки, успешно транжируя родительские деньги. Одни деньги тратят, а другие накапливают. В результате появляются люди, у кого денег намного больше, чем у среднестатистического жителя, и эти люди заботятся о своей безопасности. И с ними надо поддерживать хорошие отношения, чтобы самому не остаться без средств к существованию. Поэтому по первому зову я и поехал на ночь глядя к малознакомому, но кредитоспособному клиенту.

В «Скорпионе» меня уже ждали двое специалистов, сели в машину, и мы вернулись назад, в Долину. Долиной или Долиной Бедных наш район прозвали из-за состоятельных жителей частных особняков, живущих здесь по своим, неписаным правилам.

Мои заработки несравнимы с доходами большинства здешних жителей, но после выполнения одной успешной работы мне в качестве оплаты был передан почти готовый особнячок с участком. Небольшие вложения и весёлые таджики с молдаванами быстро довели его состояние до пригодного к проживанию. Соседские дома строились по генпланам солидными дядьками, в соответствии с утвержденными чертежами, и обстановку в доме подбирали только по совету дорогих и популярных дизайнеров. Я же сам таскал кирпичи, а проект строительства моей «крепости» обсуждался с работягами вечером у костра, когда готовили ужин и пили водку из пластиковых стаканчиков.

Дом я потом обставил мебелью из «Икеи», которую сам же и собрал. Получился по-настоящему Мой Дом – Моя Крепость, и мне нравится жить здесь, независимо от затянувшегося долгостроя.

Проклиная дорогу и руки дорожников, которые, наверное, росли совсем из другого места, чем у обычных людей, наконец добрались до цели визита.

В такой траурный день представлялось, что и природа должна безмолвствовать, но жизнь не остановилась – где-то

рядом надсадно хрипела гармошка и пьяные голоса распугивали тишину наступивших сумерек, заглушая щебетанье птиц, устраивающихся на ночлег.

2

Около дома Кручи нас ждали и сразу открыли ворота.

Женщина в черном платке, ничего не спрашивая, провела к дому и попросила подождать на веранде.

Присев в плетёное кресло около двери, в который раз стал смотреть на ночную Долину. Отсюда отрывался хороший обзор – дом Кручи стоял на возвышении, и ближайšie строения освещались фонарями.

Живописный вид полностью оправдывал все те насмешки, которыми горожане отпускали в адрес жителей Долины. Из темноты выступали дома, отличавшиеся также друг от друга, как и их хозяева – банкиры, чиновники мэрии, разбогатевшие торгаши и прочая состоятельная, но очень разношерстная публика.

Здесь соседствовали ущербные копии средневековых замков, с новоделами в стиле модерна. Подобие дворянских усадеб благополучно располагались рядом с домами под античность, вперемешку с огрызками классицизма, постмодернизма и прочей смеси нездоровой фантазии, возникшей в головах у здешних обитателей.

Дом Кручи не выбивался из этой пёстрой мешанины – двухэтажный особняк из бревен, в русско-лубочном стиле. На мой взгляд, вывеска «Лабаз» больше соответствовала бы длинному, как конюшня, дому, который ассоцииро-

вался с деревенской лавкой, виденной в кино. Как и подобает Лабазу, и в этом доме тоже хранился товар, но специфический. Не на вес, а на штуки, ставшими модными и дорогими старинными вещами.

Вышедшая Роза-Розалия пригласила нас в гостиную. Сказать, что она убита горем, было бы преувеличением. Скорее растеряна и напугана. Её выдавали бегающие и немного заискивающие карие глаза.

Одета вдова была соответственно произошедшему событию, в чёрного цвета костюм, полностью скрывавший фигуру. Тёмно-каштановые волосы были перехвачены черной кружевной лентой. Ухоженное, лишь немного покрасневшее около глаз, холеное молодое лицо и большой рот с чувственными ярко-красными губами, делали её очень привлекательной. Но сегодня рассыпаться перед ней в комплиментах было не слишком уместно, и мои наблюдения предпочел оставить при себе.

В гостиной, куда привела вдова, лишний раз убедился, что впечатление, оставленное домом снаружи, вполне соответствовало увиденному внутри: дом антиквара, похожий на лавку старьёвщика.

Современная мебель и телевизионная панель в полстены неестественно соседствовали рядом с пузатыми комодами Людовика какого-то, вазами и посудой со всех континентов и из разных эпох, стилей и вкусов. Напольные, настольные, настенные часы, холодное оружие и всевозможные по-

брюкушки, развешенные на полинявших от времени коврах. Там, где ещё оставалось свободное пространство, были повешены картины и иконы. За стеклами шкафов и горок разложены и расставлены браслеты, застёжки, сервизы, статуэтки и другие изделия из золота, серебра, фарфора и прочих материалов, не только обожаемых прекрасным полом, но и являющихся хорошим вложением денежных средств. Как я заметил, предусмотрительная вдова перевязала ручки шкафов от ненужного соблазна посторонних и покрыла слишком бросающиеся в глаза предметы полупрозрачной черной тканью. Похороны – похоронами, а своё – под надежное укрытие.

Роза Константиновна тоже являла собой передвижную выставку – на руках переливались всевозможными цветами камни в перстнях и кольцах, на запястьях как кандалы висели массивные браслеты и цепочки. На некоторых пальцах нанизано сразу две или три поделки ювелирного искусства. Наглядный пример того, почему наших туристок за границей сравнивают с новогодними ёлочными игрушками. Что-то случилось со вкусом у людей, так сказать сдвиг по фазе. Но это не мои трудности, и здесь другие заказывают музыку. Я же должен не делиться своим мнением, а обеспечить охрану вверенного объекта.

Насколько я заметил, единственной охраной дома было чучело медведя, стоящее при входе, со старинным дробовиком в негнущихся лапах. И мишка оказался ненадёжным

сторожем, о чём красноречиво свидетельствовала крышка гроба на веранде.

– Роза Константиновна, расскажите всё с самого начала, с момента смерти вашего супруга, – попросил я, усаживаясь в предложенное кресло.

Вдова, собираясь с мыслями, беспрестанно расхаживала по дому и кружила вокруг меня.

– В среду, позавчера, я уехала в город за покупками. Тиша остался дома, к нему должен был прийти его консультант, Иван Иванович. Знаю точно, сама договаривалась о встрече на полвторого, – напряженно вспоминала Роза. – Когда вернулась, около дома стоял незнакомый автомобиль. Я подумала, что приехали на вторую встречу, о которой Тиша договорился сам. Да и у Тишиного консультанта нет машины, и не задерживался он больше часа.

– Номер запомнили? – уточнил скорее по привычке, так как на такие мелочи женщины, возвращающиеся домой с покупками, не обращают внимания.

– Какой номер?.. Оно мне надо? – Она начала себя накручивать, передёрнула плечами. – Я что, знала, что дома два трупа найду?

– Сколько? – Что-то покойники начали размножаться.

– Два. Тиша и его охранник, – как учитель нерадивому ученику выговорили мне.

Ладно, с трупами разберёмся позднее.

– А цвет машины? – со слабой надеждой настаивал я.

– Цвет? Цвет... – Розалия задумчиво посмотрела на меня. – Вроде бы тёмно-серый... Или, нет, тёмно-зеленый...

– Ну, а марку-то автомобиля помните? – Я тяжело вздохнул, заранее предвидя ответ.

– Сейчас... – Вдова заходила из угла в угол. – Японка, а может, корейка. – Роза Константиновна, как солдат на плацу, печатая шаг, мерила шагами комнату. – Округлая такая, как бочечка.

Я сочувственно наблюдал за ней – нервишки ни к черту. Носилась по комнате, трогала и переставляла различные предметы, теребила свою одежду. Сумбур полнейший.

– Опознать-то сможете? – поинтересовался безнадёжно.

– Вы как те, из полиции. – Она нервно закусил губу. – Почему не помнишь, отчего не знаешь?... – Теперь её пальцы начали выстукивать дробь на колене. – Это у них трупы бывают каждый день, а со мной такое впервые в жизни случилось, – угрюмо закончила Роза Константиновна.

– Ладно, проехали. Давайте дальше. – У меня уже мельтешило в глазах от пальцев вдовы, не останавливающихся ни на секунду.

– Вошла в дом я полтретьего, как раз пробили часы на камине. – На лице появилось недовольное выражение. – Эти часы в доме, во всех комнатах, кроме ванной и туалета, постоянно изводили и раздражали меня своими побряхтываниями и перезвонами. – Вдова повышала голос, и последние слова почти выкрикнула. Её лицо покраснело от злости. –

Наконец-то, я им найду место в кладовке, самый приют для них. – Размечталась вдова и произнесла, как будто выносила приговор. – Пусть на чердаке твякают. Надоели хуже собак. – И, неожиданно рассмеявшись, добавила. – Они же все останутся, когда их заводить перестанут. А Тише нравилось, как они тикают... звонят...

Вдова перемешивала свой рассказ о трагических событиях с совершенно отвлеченными вещами. Но я не перебивал и внимательно слушал: всё сказанное могло пригодиться. Детали событий будут забываться, казаться плодом разыгравшегося воображения, или из-за давности события перевертаться по простоте душевной. А кажущаяся неуместной жалоба на часы, которая была для неё обыденным и незначительным событием, для меня являлась неумолимым и точным свидетелем произошедшего

– Из-за закрытой в гостиную двери раздавались приглушенные голоса, – гораздо спокойнее продолжила Роза. – Я еще удивилась, почему они разговаривают здесь, а не в кабинете – А обычно дела Тихон Андронович вёл в кабинете? – Я потихоньку разглядывал устройство дома, изучал коридоры и двери. Из-за нагроможденных здесь вещей ощущал себя неудобно и никак не мог понять, что здесь раздражает?

– Да, в кабинете... – Она силилась вспомнить подробности. – После магазинов разболелась голова, и я прилегла в спальне на втором этаже. А его кабинет здесь, на первом, по коридору за залом

– И ничего не слышали?

– Ничего. Только, как обычно, тиканье часов. – После некоторого молчания она вновь со злостью сказала. – Проснувшись от перезвона этих грёбаных часов в пять вечера, я спустилась вниз и обнаружила трупы.

– Трупы? – повторил я.

– Да, трупы. В прихожей лежал Петя – Тишин водитель и по совместительству охранник, с залитой кровью головой, а в гостиной на стуле был мёртвый Тихон.

– Их застрелили?

– Откуда я знаю?.. Я грохнулась в обморок, потом очнулась, позвонила в полицию. Они вскоре приехали, перерыли весь дом, устроили обыск, расспрашивали. У меня в голове всё перемешалось.

– Это называется осмотр места происшествия.

– Мне по... всё равно, как оно называется. – Роза обиженным голосом продолжила. – Поставили всё в доме на уши, задали кучу дурацких вопросов.

– Обычная практика. Должны установить всё, что может помочь в раскрытии преступления.

– Как будто я знаю, за что и кто их грохнул. – Вдова употребляла выражения, которые не всегда услышишь из уст добропорядочной дамы. – Я в Тишины дела никогда нос не совала, у меня своих забот полон рот.

Я наслышан, какими заботами забит рот у представительниц слабого пола нашей Долины и как они предпочитали

проводить свой досуг, когда их вторые половинки «непосильным трудом» добывали средства к своему безбедному существованию. В магазинах за прилавками они не стояли, а ездили туда за покупками. В салонах красоты, завсегда-таями которых были, они тоже не обслуживали клиентов, а улучшали состояние своей стареющей кожи, чтобы не надоесть мужьям и быть пригодными для флирта с другими мужчинами.

– Роза Константиновна, вы не знаете, кто мог желать смерти Тихона Андроновича?

Про охранника пока не стал спрашивать – его, наверняка, убрали как свидетеля.

– Перестань звать меня Розой Константиновной, – попросила она довольно спокойным голосом. – Да, наверное, все, кто имел с ним дело. Тихон ведь был антикваром... Прижимистым человеком. Иначе, откуда взялось бы всё это? – Она обвела широким жестом дом, который действительно являлся копилкой дорогих вещей.

Я подумал, что главной ценностью Кручи, помимо коллекции часов, на которую он потратил долгие годы, вероятно, была эта симпатичная женщина. Чем больше старых вещей вокруг, тем эффектнее смотрелась молодая супруга.

– Он всегда торговался за каждую копейку, – продолжила она. – Что порою выглядело несколько омерзительно. Даже у меня, когда поначалу присутствовала при сделках, чесались руки треснуть его чем-нибудь по башке, чтобы не крас-

нет от стыда, – доверительно поведала Роза. – После созерцания нескольких таких сцен я категорически отказалась на них присутствовать, хотя Тихон настаивал и очень хотел приобщить к делу.

И так бывает – что на своей груди пригреешь, то, отогревшись, и после смерти на тебя шипеть будет.

– Но желать огреть и убить совершенно разные вещи, – капризно заметила вдова. – Даже не представляю, кто бы мог решиться на такое...

– Понятно. Вы говорили, что вам кто-то угрожал, – перешел непосредственно к цели своего визита. – Ведь именно поэтому вы пригласили меня?

– Да, – она бросила быстрый, оценивающий взгляд. – Я хочу, чтобы вы обеспечили мою безопасность. Не хочу превратиться из единственной наследницы в труп, покоящийся рядом с останками мужа. – Она не собиралась церемониться со мной и разыгрывать из себя безутешную вдову. – Я ещё слишком молода, – с вызовом напомнила Розалинда.

Оставив без комментариев это заявление, не мог не отметить, что мне прямо дали понять о свалившемся наследстве и желании насладиться жизнью, а не годами оплакивать тело супруга. И, как подмечено, выглядела вдова действительно моложавой, а я любезно не стал уточнять дату её рождения.

– Продолжайте и старайтесь не забывать никакой мелочи. Впрочем, вдруг что-то упустите или вспомните, мы ещё вернёмся к обсуждению событий дня.

– После того, как их увезли, я начала обзванивать знакомых. – Роза, чтобы снять напряжение, закурила. – Что случилась, от чего он умер, я сама толком не знала. Менты только сегодня сообщили, что у Тиши произошло что-то с сердцем, а охранника убили. Что и отчего – будут разбираться, но Тихона похоронить разрешили завтра.

– Так, а когда начали угрожать вам? – Я постарался направить мысли вдовы в нужное русло.

– Сегодня. Где-то после обеда позвонили и сказали отдать то, что мне не принадлежит. – На глазах навернулись слезы. – Или могу не бояться старости, потому что умру молодой.

– А про голос звонившего что сказать можете? Мужчина, женщина?

– Мужчина. Голос был глухой, как из бочки. Вначале он показался знакомым, – на лбу женщины появились морщинки. – Но не могу вспомнить, где его слышала, и кому бы он мог принадлежать.

Логично – со страха может показаться всё, что угодно. Особенно, если будешь потом сравнивать полузабытый голос с десятком других.

– Предположим, что вас кто-то хочет шантажировать и отобрать что-то, – осторожно начал выстраивать первоначальную версию. – Как ты сказала, тебе не хотелось вникать в дела Тихона Андроновича, и ты ничего не знала о них. – В ответ утвердительный кивок головой. – Именно на твоём незнании очень легко построить шантаж, с целью отъема ка-

кой-то вещи или получения денег, в качестве отступного.

На меня был обращен такой взгляд, будто сейчас, при помощи дедуктивного метода, я быстро всё расследую и назову имя вымогателя. Но я не Шерлок Холмс, в чем вдова должна убедиться и не строить иллюзий на быстрое и счастливое спасение.

– Нельзя исключать, что у твоего мужа действительно было нечто, ему не принадлежавшее, а оставленное, очевидно, для продажи или обмена, – постарался доходчивее объяснить. – С этим надо разбираться.

– Вот вы и разбирайтесь, выясните, что такого может быть у меня в доме, из-за чего мне угрожают. – Вдова уже чувствовала себя полноправной хозяйкой «у себя в доме» и хотела защитить свою собственность. Её законное право. – Я не должна страдать из-за делишек своего мужа, – продолжала горячиться она.

Произнесенное слово «делишки» сигнализировало о том, что она догадывалась или даже хорошо знала о той атмосфере, которая царила около покупки-продажей антикварных вещей. Нельзя находиться рядом с большими деньгами и предметами старины, переходящими из рук в руки, и ничего не знать. Безусловно, ей что-то известно, но пока меня не посвящают в тайны Мадридского двора. После повторения угроз и попыток привести их в исполнение придет понимание серьезности происходящего, и ей надо будет открыть мне некоторые тайны антикварного дома.

– Розалинда, – проникновенно заверил я. – Сделаю всё возможное. Со мной приехали специалисты, которые сейчас осматривают подходы к вашему дому и определяют, какую аппаратуру нужно поставить для наблюдения.

Ребята из «Скорпиона» уже просигнализировали, что всё, что необходимо, осмотрели.

– А о мерах личной безопасности давайте поговорим завтра. Сегодня в доме есть люди и ничего не должно произойти.

Я ещё раз напомнил, что хотели бы убить, то сделали бы без предупреждения. Но мертвецы не делятся секретами. Нужны живые, говорящие и желательно что-то знающие.

– Ладно, – безрадостно согласилась Роза, но тревога из глаз не исчезала.

Я взял набросанную «скорпионовцами» предварительную схему размещения техники, смету расходов и показал хозяйке.

– Для вас не обременительной будет такая сумма? – Роза Константиновна согласно кивнула головой. – Вы сказали, что с этим Иваном Ивановичем договаривались вы? – Вернулся к началу нашей беседы.

– Да, – и, словно в оправдание, недовольно добавила. – Меня Тиша иногда просил договариваться о встречах, как секретаря.

– Адрес знаете?

– Кого? – Не поняла Розалинда. Её мысли витали далеко

от нашей беседы.

– Консультанта-реставратора, Ивана Ивановича.

– Нет, только телефон на работе. Адрес, наверняка, где-то есть. – Задумалась Розалия. – В крайнем случае, узнаете в Краеведческом музее, он там работает.

– А он не записывал адреса, телефоны своих клиентов?

– Верно, записывал. – Убежденно ответила она. – Я поищу в его записной книжке, он аккуратно вносил туда всех, с кем хоть как-то имел дело.

– Еще вопрос. – Продолжал прояснять ситуацию. – А та, вторая встреча, ничего о ней не можете вспомнить?

– Нет. Сказала же, что машина мне незнакома. – Терпеливо повторила Роза и продолжила. – Но, наверняка, известный Тише человек. С посторонними, без рекомендации, он бы ни за что не стал встречаться, особенно один в доме и за закрытыми дверями.

– И последнее. Еще какие-либо встречи были запланированы у вашего супруга на эти дни? И если да, то с кем? – Не унимался я.

Вдова посмотрела на меня, как бы решая, говорить мне или нет, и мысленно взвешивая необходимость правдивого ответа.

– Ну, может быть, вы знали или слышали о такой договоренности? – настаивал я, постоянно путаясь в общении с ней с «вы» на «ты».

– Знала, – наконец, решилась она. – Слышала.

– И кто же он? – Из неё приходилось вытягивать каждое слово.

Немного помолчав, произнесла имя:

– Ося.

– А кто такая Ося? – Вдова продолжала выдавать информацию мизерными порциями, что начинало раздражать.

– Не такая, а такой. – Поправила меня Роза. – Иосиф Абрамович Лисовский.

Не очень приятное признание. Лисовский был известным и авторитетным человеком не только в городе, но и в области. Депутат районной Думы. Имел отношение к клубному и ресторанному бизнесу, операциям с недвижимостью, вращался в таких кругах, куда меня не приглашали и где мне навряд ли были бы рады. Деньги любят тишину, и подобраться к такому источнику интересующих сведений сложно. Не обратишься же к нему с небольшой просьбой, где-нибудь на улице: «А не ответите ли Вы мне, любезный, на парочку-тройку вопросов, связанных со смертью Вашего старого знакомого Тихона Андроновича Кручи, с которым вы общались незадолго до убийства?». Сочтет за идиота, больного или журналиста.

Видя, с какой неохотой вдова назвала имя человека, способного пролить свет на эту темную историю, я решил не торопить события и дальнейшие расспросы отложить до лучших времен. Которые, я был уверен, наступят очень скоро, в зависимости от цены возникшей проблемы.

Осмыслить полученную информацию, почти при полном её отсутствии, я решил завтра. Утро вечера мудренее.

Так как пожелание «спокойной» или «доброй» ночи хозяйке не совсем уместно в данной ситуации, ограничился обещанием приехать завтра, сразу после поминок.

Оставил на потом и вопрос об оплате моей работы. Пусть вдова подумает и взвесит все последствия случившегося. Ей есть чего или кого бояться, значит мы договоримся.

Ещё раз, окинув взором комнату, наконец понял, почему чувствовал себя так неуютно – из-за цветов. Они заполняли собой все свободное от антиквариата пространство: на подоконниках, полочках, в вазочках и корзиночках, на полу в пузатых кадучках. Не натуральные цветы, требующие постоянного внимания и ухода, а их искусственные подделки, с которых изредка смахивали пыль. Под стать этим цветам была и обстановка в доме, фальшивая и неестественная.

В доме антиквара довелось столкнуться с безмолвно снующими по холлу и комнатам немногочисленными родственниками и ухоженными подружками вдовы, так как у Тихона родни не было. Они с завистью разглядывали свалившиеся на Розу наследство. Как люди, знакомые с антиквариатом, они могли оценить в денежном эквиваленте все те вещи, которые были в доме. Я даже немного пожалел, что оставляю её одну с этими тётками со скорбными лицами. Ей и так глаз не сомкнуть от мыслей о покойнике и непонятных угрозах, а ещё придется вздрагивать от каждого шороха и присматри-

вать за подружками: не выковыривают ли они камни из чужих фамильных драгоценностей?

Я направился к выходу, а Роза Константиновна проводила меня долгим, тоскливым взглядом.

3

Почти ежедневно моё холостяцкое утро начиналось в кафе «У Ромы».

Во-первых, здесь начинался рабочий день, назначались и проходили нужные встречи, в кафе мы обсуждали и планировали текущие дела с моим помощником Васей. Удобно и не надо снимать офис.

Во-вторых, хорошее кофе или чай и вкусно приготовленная пища всегда были гарантированы.

В-третьих, хозяин кафе Роман, крупный мужчина с длинными курчавыми волосами до плеч – друг нашей семьи, вернее родителей, и за мной был постоянно забронирован столик в одной из кабинок-ниш, расположенных вдоль стены. На правах друга у меня были привилегии – открытый счёт, и расплачиваться мог в любое время.

Но самое привлекательное – музыкальное оформление.

Рома, как и мои родители, вырос под музыку второй половины прошлого века. И здесь звучали только проверенные временем мелодии. В городе проживало много любителей Битлз, Ролингов, Пресли и других музыкантов той поры, и они тянулись в это кафе посидеть с друзьями под песни любимых исполнителей.

Днем в кафе трудно было найти свободное место, а ближе к вечеру только заранее заказанный столик гарантиро-

вал уютные посиделки. Приятно, что посещали заведение не только «старички». Здесь веселились и молодежь, и все те, кого не устраивала наша отечественная попса про «два кусочка колбаски у тебя лежали на столе...» вперемежку со «слезами, текшими с ресниц...». Качественные рок, блюз и их производные, все только лучшее. С вечера до утра посетителей ублажали попури песен, занимавших в своё время первые места в мировых музыкальных хит-парадах. Исполнители и жанры постоянно сменяли друг друга, музыка не утомляла, а наоборот, поднимала настроение. Будь ты в радости или печали, остаться безразличным невозможно – своеобразная и притягательная атмосфера, царящая здесь, отвлекала от грустных мыслей и улучшала настроение отъявленному пессимисту. Как шутили завсегдатаи, эта музыка могла и мертвого поднять из гроба.

Вот и сейчас Игис исполнял «Отель Калифорния», и под перебор струн и душевные голоса музыкантов мы с Васей перекусили. В ожидании кофе поведал ему о событиях вчерашнего вечера.

– Дмитрий Александрович, так у нас новая работа? – Азартно потёр он руки.

– Вероятно, да, – кивнул, соглашаясь. – По крайней мере, так сказала вдова.

– А когда окончательно договоритесь?

– Сегодня. И пока у нас пауза в делах, нужно взрыхлить и подготовить почву для нашей работы, – назидательно за-

кончил я.

Вася приготовился слушать. Он начал сотрудничать со мной около месяца назад, хотя знакомы мы давно, ещё со времен работы следователем в прокуратуре. Первая наша встреча состоялась в сводном подразделении силовиков во время одной из командировок на Кавказ. Вася был любимцем отряда, неунывающим весельчаком, у которого на каждый жизненный случай был готов анекдот или народная мудрость. Там, в «горячей точке», за ним закрепилось имя Свистун. Вероятно, из-за соловьёв, трели которых любят слушать в тихую ночь и хотят, чтобы они посвистели подольше. Или из-за того, что он без усталости, как соловей, мог «заливать» на всевозможные темы. Вася не обижался на прозвище, данное ему не по злобе, а «по-товарищески».

Мы были с ним почти одинакового роста, под метр восемьдесят. У меня были относительно длинные, волнистые, темные, почти черные, волосы, а у него короткая стрижка, на начинающей лысеть голове. Вася любил быть тщательно выбритым и по несколько раз в день пробовал тыльной стороной ладони свои щёки. Я же не любил бриться и носил модную сейчас двух-трехдневную щетину, которая подравнивалась в удобное для меня время и с которой не надо выщипывать щёки каждое утро.

Нам обоим присуще насмешливо-философское отношение к жизни, что помогает проще смотреть на не всегда радостную действительность. При нашей профессии без юмора

и оптимизма от тоски помереть можно. Ещё одно объединяющее нас с напарником увлечение: в минуты отдыха, устроившись поудобнее на диване или кресле, мы любили смотреть по видео детективы и комедии, а ещё лучше два жанра в одном. Постоянно обменивались фильмами и были довольны таким совпадением вкусов – то, что появлялось у одного, сразу же становилось доступным и для другого. Современные триллеры, с выстрелами, погонями и кучами окровавленных трупов, не давали того чувства расслабленности, получаемого от старых лент, высказывания из которых растащены на цитаты. И мы с Васей грешили этим – часто свои поступки или положения, в которых оказывались, комментировали полюбившимися нам фразами из кинофильмов.

Помимо этих, объединяющих нас увлечений, у Свистуна были все необходимые для работы качества. Он был настоящим опером, знающим, внимательным к мелочам, на поддержку которого я всегда рассчитывал. Как бы пафосно не звучало, но мы ели из одного котелка и в нас летели одни и те же, отнюдь не игрушечные пули.

Внимательно выслушав повествование о событиях в доме Кручи и опасениях вдовы за свою жизнь, Вася задал несколько уточняющих вопросов и замер, демонстрируя готовность к обсуждению первоочередных мероприятий по новому делу и выполнения полученных заданий. После вчерашнего визита появилась реальная и хорошо оплачиваемая работа.

– Тебе, Вася, следует посетить своих бывших сослужив-

цев и пообщаться с ними по данному факту, – начал я.

– Что нас интересует?

– Первое. Всё по времени произошедшего убийства, – Вася, как прилежный ученик, начал записывать в записную книжку. – Свидетели, вдруг таковые есть и их установили. А они должны быть. В Долине многие не работают и что-то видели, хотя такая публика может и промолчать. У некоторых, особо продвинутых, есть наружные видеокамеры, надо установить тех, чья аппаратура охватывает интересующий нас дом.

– Подомовой обход будут делать обязательно, как обычно, – согласился он. – А вот что им скажут – вопрос.

– Второе. Круча. Сам умер или был убит? Экспертизу уже провели, раз разрешили забрать тело.

– Да, здесь есть, чем заняться. Один убитый – охранник, налицо, и от него никуда не денешься. Но вот по Круче может быть любое заключение. Не будет явных следов насилия – оформят как естественную смерть. Для них проще, одним убийством меньше. Но ответ даст только предварительное следствие и заключение экспертизы.

– Правильно. Вот и узнай не только официальную версию, но и все сомнения и нестыковки, если они есть. Мы не прокуроры, нам дела не подшивать. И нам важны любые подробности, даже самые невероятные.

– Я хорошо знаю эксперта, – проявил инициативу Василий. – Нам же не нужно официальное заключение?

– И официальное заключение, и неофициальное мнение. Мы частная структура, нам сгодится всё.

– На бумаге дня через два, а мы на словах узнаем сегодня. – Я не ошибся с выбором своего помощника. – И личным мнением поинтересуемся, не затягивая. В крайнем случае – завтра.

Плавную музыку сменил задорный рок-н-ролл – Элвис Пресли запел про голубые туфли.

– Вдова про машину что говорила? Номеров не запомнила?

– Вдова даже марки не запомнила и с цветом путается, – в расстройстве махнул рукой.

– Женщины. – Глубокомысленно отметил Вася. – Они разглядывают только себя в зеркальце заднего вида автомобиля, подкрашивая глаза или губы, держась, в лучшем случае, одной рукой руль. А потом удивляются, что попали в аварию.

– Третье, – прервал разошедшегося напарника. – Как убит охранник, следы борьбы, короче всё, что поможет нам прояснить картину. Мог ли он быть целью нападения, а не Круча? – И тут же сам опроверг сказанное. – Тогда почему они требовали отдать чужое? А, может быть, вдова с охранником были в сговоре?

– Одни загадки. – Вася почесал затылок.

– Четвертое. Все о супругах Круча. – Я помнил откровенное и пренебрежительное высказывание Розы о муже. – Лич-

ности приметные, да и о покойниках, особенно богатых, народ любит поговорить. Так что здесь проблем не будет.

– Я тоже думаю, что поперебивать косточки, даже покойному, найдутся желающие, – согласился Василий и выдал своё видение проблемы. – У одного корова сдохла, а сосед по этому поводу водку жрёт от радости – пустячок, а приятно.

Оригинальная трактовка человеческого поведения, но с долей истины в словах.

– Собирай все. Как жили, с кем дружили, ели, спали, – я многозначительно посмотрел на Васю.

– Ага, – согласился он. – Здесь найдется немало потайных дверей и скелетов в шкафу. Особенно у молодой вдовы.

– На неё особенное внимание. Роза Константиновна сейчас в положении овечки, с которой многие захотят содрать шкуру, – заметил я. – А значит, волки рыскают где-то рядом, и мы должны их установить и нейтрализовать.

– Самое лучшее, сохранять ситуацию в состоянии покоя, без лишних трупов, – подхватил Василий. – Чтобы и по нам плакать не пришлось.

– Сплюнь, – суеверно заметил я. – Надо работать так, чтобы нам с тобой шкуры ни в коем случае не испортили.

– Я вторично не позволю делать в себе дырки, – хмуро отреагировал он, вспомнив не очень приятное событие.

Год назад пуля все же догнала его. Не смогла на войне, достала дома, во время выполнения задания. Вылечившись,

Вася вынужден был уйти с оперативной работы. Затосковал Свистун без активной жизни, да и на пенсии по инвалидности не очень-то разгуляешься. Коллеги из убойного, где он служил, жалели его, поддерживали, но надо было искать какую-нибудь работу, а не оставаться наедине со своими мыслями и тоской. Я встретил его, бесцельно шатающегося по городу, наши пути еще раз пересеклись. Мы посидели здесь же, «У Ромы», вспомнили прошлое. Тут он и поделился со мной своими проблемами. В отличие от него, у меня дела шли неплохо, даже порой не успевал все вовремя сделать. Естественно, что напарник с опытом оперативной работы и оставшимися хорошими связями в органах был бы очень большим подспорьем, и я предложил ему присоединиться ко мне. Да и физподготовка у него была на уровне, я сам занимался у него рукопашным боем.

– Пятое, – вернулся к обсуждению ближайших планов. – Надо узнать больше о нашем депутате Лисовском. Он публичный человек и всё, что явно, мы почерпнем в библиотеке. А что тайно и скрыто от глаз избирателей, надо разузнать нам.

Василий в знак согласия кивнул головой. И по тому взгляду, который был брошен на меня, он уже считал депутата потенциальным клиентом для оперативной разработки.

– Всё о деловой и личной жизни. Чем владеет, с кем дружит, кто его опекает, – перечислял я. – Встретиться с ним придется, и хотелось бы быть во всеоружии.

– О таком в один день справки навести не удастся. Кто ж нам даст? ФСБ? Не реально. Конечно, и у наших оперов он где-то засветился, есть что-нибудь. Надо поговорить.

– Это как раз по твоей части. И не забудь поинтересоваться у своих коллег – нет ли за ним криминальных связей.

– Обижаете, – недовольно отозвался Вася. – Не первый год замужем, постараюсь.

– Надо не только постараться, – решительно настаивал я. – А узнать и понять, что их сближает и связывает сейчас. Не зря вдова назвала его Осей.

– Кровать. – Ухмыльнулся Вася.

– Не исключено. Вдова молода, привлекательна. С трудом допускаю, чтобы бы она хранила верность Круче в благодарность за сытую жизнь. – Я улыбнулся, вспомнив Розу-Розалинду. – Хотя может быть и самой целомудренной из всех монашек, каких я знаю.

– А вы многих монашек знаете?

– Ни одной, – честно ответил я и после небольшой паузы добавил, вспомнив плевки, которые вдова отпускала в сторону покойного. – Нет, на монашку наша подопечная не тянет.

– Такой протяни руку, по локоть отхватит. Круче, по вашим словам, за шестьдесят, а она моложе вас. Можете себе представить их рядом в постели, воркующими как голубки? – справедливо заметил Василий. – Свежо предание, но верится с трудом.

Не имеет смысла спорить, время покажет. У меня назначена встреча с вдовой, и ещё разберёмся во всех тонкостях. Но в бескорыстную любовь я тоже не верил.

– Есть ещё консультант Кручи, он у него был по художественной части, некто Иван Иванович, реставратор. Приходил к Тихону перед смертью, Роза Константиновна обещала дать адрес. Не найдет, так я знаю, где он работает.

– Последний, кто их видел живыми?

– По словам вдовы, он был предпоследний, кто видел Кручу живым. А может быть, и последним. – Я ещё не определился с предпочтительностью версии. – Надо прояснить сам предмет их встреч и деловых отношений. Попробую узнать подробнее при беседе. А ты потом поинтересуйся у своих, не числится за ним что, по их ведомству.

– Фамилия, где живет?

– Пока не знаю, подожди до завтра. – Василий кивнул головой. – По депутату действуем параллельно. Я зайду к ребятам из прокуратуры, ненавязчиво поинтересуюсь этой особой. Но на многое не рассчитываю, могут насторожиться.

– А что тут особенного?

– Считай, предчувствие, доказательств нет. – Я нащупывал подходы к делу вдовы. – И пока нет никакой явной связи криминального бизнеса антиквара, если таковой был, с Лисовским, ворошить эту тему опасно. Могут быть неприятности и у того, кто попросил, и у того, кто эту просьбу выполнит.

– А подмазать? – предложил Вася.

– Денег мы не платим из принципа и из уважения к закону, – назидательно поучал я. – Надеемся только на свои силы и дружеские связи.

– Дмитрий Александрович, а со следаками у вас как? Знакомые остались? – Вася также прикидывал наши возможности. – Неплохо бы узнать, что они нарыли.

– Поинтересуюсь, – без особого энтузиазма согласился я. – У них тоже не все просто. После реорганизации следственного комитета и прокуратуры они живут как кошка с собакой, норовят друг другу ножку подставить. А я, как тебе известно, оттуда ушел.

Обидно за бывших коллег. Недавно работали вместе и были нормальные отношения, но межведомственные склоки разрушили бывшее единство. В их войнах я не участвовал и сумел сохранить со всеми нормальные отношения, оставаясь на нейтральной полосе. Бывшим сослуживцам был не чужой, но уже не работал с ними. По-человечески, внешне, все нормально, встречаемся, при случае выпиваем стопку-другую. Но узнавать что-то нужное по моим частным расследованиям стало намного труднее.

– Разные истории рассказывают про ваше увольнение, – начал издавека Василий. — Даже не знаешь, чему верить.

– Увольнение моё с работой никак не связано. Так... и смех и грех.

– Расскажите? – Васе не терпелось узнать подробности.

– Расскажу, – сдался я. – Только исключительно в профилактических целях. Чтобы ты не забивал себе голову ерундой, а освободил её для работы. – Он утвердительно и радостно закивал. – Из песни, как говорится, слов не выкинешь, и именно песня стала причиной моих злоключений.

– Это как?

– Есть такая замечательная песня у Битлз – «Yesterday», – начал я. – Хотя у них все вещи уникальные, но эта, как признают музыкальные эксперты, лучшая песня двадцатого столетия, самая популярная и исполняемая. Она звучала, звучит и будет звучать, и не надоедать – вечно. Существует около четырех тысяч различных версий исполнения, и, думаю, будет ещё больше. Ни одна песня не имела такого количества аранжировок.

– Вы, прям, как музыковед какой-то. Даже интересно, какая связь может быть между прокуратурой и музыкой. – Вася был заинтригован.

– Сейчас поймешь, – продолжил я. – Однажды задержался у одной знакомой на даче дольше, чем надо. Как назло, там было пианино, а я попросил что-нибудь сыграть. И, естественно, впал в транс и забыл обо всем на свете, когда моя подружка начала исполнять одну из импровизаций «Yesterday». И неожиданно, совсем как в пошлых анекдотах, входит муж. Только не вернувшийся из командировки, а зачем-то вдруг приехавший на дачу во время рабочего дня... Картина Репина: «Не ждали».

– И что здесь такого? Мало ли что?

– Ну, наличие вина и фруктов мы бы еще объяснили. Старые друзья, то-сё... – Я улыбнулся, вспомнив давнюю историю. – Но оправдаться жарой, при всяком отсутствии на нас какой-либо одежды, не удалось. Так как мы люди совершеннолетние и всё было по согласию, никакого криминала в данном происшествии не имелось. Но с работы уйти пришлось.

– Почему? – не понял он.

– Муженек моей музыкантши был начальником управления в правительстве области и раздул страшный скандал. В газетах, конечно, не писали, но многие знали. Свою славу рогоносца он, сдуру, сам себе заработал. Разболтал вместо того, чтобы промолчать. И после жалоб нашему начальству, не пожелавшему портить отношения с областью, мне предложили по-тихому уволиться, – угрюмо разъяснил я. – Что было и сделано. Неприятно. Но я тогда не знал, какие заработки меня ждут в свободном плавании. Ушел бы сам из прокуратуры ещё раньше. Не знаешь, где найдёшь, а где потеряешь.

– И всё?

– Всё. Не считая того, что теперь на день рождения, на праздник или ещё по какому поводу сослуживцы того члена правительства в обязательном порядке заказывали на радио музыкальное поздравление для своего шефа и просили исполнить ему... – невольная улыбка появилась на моем лице. – Думаю, ты догадался, какую песню для него просили

исполнить. Да еще старались предупредить, когда и на какой волне прозвучит. Так что, не желая того, я стал причиной возникновения у него ненависти к песне, которую с удовольствием слушает весь мир. А у нашего товарища при первых же аккордах лицо и шея начинают багроветь, а руки трястись. Вот такие истории случаются, друг Василий.

Мы немного посмеялись над моим рассказом, что было, честно говоря, не совсем справедливо по отношению к обманутому мужу. Из этой истории и обсуждавшихся событиях мы с Васей сделали однозначный вывод: опасно иметь молодых жен в престарелом возрасте. Но!.. Каждый сам растит свой геморрой.

Объезжать ямы на дороге днём намного легче, чем вечером, при тусклых фонарях, создающих видимость освещения. Мне всегда было трудно понять: почему при таком количестве Мерседесов, Ауди и других всевозможных дорогих машин элитных марок жители Долины не могут отремонтировать дорогу, чтобы пожалеть свои автомобили? Видимо, такая у них ущербная психология, что на себя, приходи жён и любовниц можно потратить сколь угодно, а вот для себя любимых – неразрешимая проблема. Допустить, чтобы по дороге, на ремонт которой ты смог бы выделить маленькую толику из своего кармана, ездили твои же соседи – категорически нельзя. Вдруг соседи внесут меньше или ездить будут чаще, и ты «останешься в дураках». В итоге верх крестинизма: чтобы не выглядеть «лохом» приходится покупать новый автомобиль, что несравненно дороже. Но у богатых свои сдвиги по фазе.

У дома Кручи стоял фургончик с надписью «Скорпион». Кроме приехавших монтеров никого не было. Все уехали на кладбище, а после – в ресторан, где на поминках Роза Константиновна будет слушать хорошие слова о своем покойном муже, под очередной фужер вина или рюмку водки. Народу ожидалось много, и в доме все не вместились бы.

Мы со «скорпионовцами» ещё раз обошли участок и дом,

уточнили места установки видеокамер, обсудили систему сигнализации, подключение и запись телефонных разговоров. По прихоти покойного мужа, Розалии звонили на установленный в доме телефон – так легче было контролировать звонки и разговоры любимой жёнушки. Но теперь запретов нет, и надо будет отслеживать мобильник, которым вдова станет активно пользоваться при её страсти к общению.

Безопасность покойного Кручи организована из рук вон плохо, почти никак – лишь водитель, по совместительству и охранник. Необъяснимо для состоятельного человека, встречающегося с разными людьми, порой и не очень добропорядочными. Почему в доме не установлена охранная сигнализация? Или опять причуды богатых, очередная экономия денег? Или у Кручи были настолько влиятельные связи, что он не боялся? Не боялся, а попался – не смог вовремя соломки подстелить, вот и покойся теперь с миром, дорогой, в прямом смысле, гражданин.

К приезду вдовы установили камеры, осталось подключить и отладить оборудование. Пытаясь объяснить все премудрости видеонаблюдения, опять начал сбиваться при обращении к ней – то как к ровеснице Розалии, а то как к беззащитной и внезапно овдовевшей женщине, и постоянно переходил с «ты» на «вы», на что помятая Роза Константиновна не обращала внимания. Её мысли были далеко от мирской суеты. Я тоже решил не сильно напрягаться, уж как получится по ходу дела, так и обращаться будем. Это сразу успокои-

ло и перестало отвлекать внимание от более важных и конкретных дел.

– Дмитрий Александрович, я очень устала, давайте лучше продолжим завтра. И на дворе уже темно.

«Скорпионовцы» обрадовались: лучше вечер коротать не за работой, а дома или в кругу друзей. Но у меня были другие планы – надо ещё раз побеседовать с Розой Константиновной и узнать больше подробностей о случившемся.

Роза пригласила за столик, где мы уже сидели вчера. Некоторые качественные изменения произошли в его сервировке. Сейчас на нём, как и положено у зажиточных хозяев, теснились марочные коньяки, водка, текила, икра, различные нарезки, салаты, закуски и прочие яства. К поминкам усопшего здесь подошли основательно и, судя по столу, меня ожидал сытный вечер.

Вдова разлила коньяк. Выпили, как положено, не чокаясь. Со второй рюмки у Розы заалели щеки, как у одноименного цветка, и у меня по телу начало растекаться тепло. В любой трагедии есть и положительные стороны.

Немного закусив и помянув Тихона, я стал осторожно подбираться к интересующей теме.

– Роза, вы вчера упомянули некого Ивана Ивановича, – неторопливо начал я. – Нельзя ли поподробнее.

– Да я и не знаю о нем практически ничего. – Она устало наполнила рюмки. – Приходил к Тихону, давал ему консультации по картинам и иконам, у него даже какое-то образова-

ние есть.

Мы опять, без слов, чокнулись. Если и дальше пойдет в таком темпе, то боюсь мало что смогу узнать, и мы наберемся раньше времени.

– Он только давал консультации или покупал и продавал? – Перехватил я инициативу, не допуская очередного наполнения рюмок.

– Нет. Его купля-продажа не интересовала. Так, заработать на жизнь. В музее-то краеведческом много не платили. Там и посмотреть-то не на что, – уверенно заключила вдова. – Ещё он брал от Тиши заказы на реставрацию. Муж говорил, что Иван Иванович, фамилия его Ишутин, раньше работал в мастерских Грабаря и сильно разбирался по данной теме.

– Наверное, прилично получал у Тихона Андроновича?

– У Тихона-то? – Роза злобно рассмеялась. – Да он за копейку мог бы в церкви... – было опять употреблено неприличное слово. – Сам Иван Иванович цену не назначал. Сколько Тихон давал, и ладно. – Вдова задумалась, откинувшись в кресле. – И много ли ему надо? Жена померла, детей нет, живет один.

– Адрес не посмотрели? – напомнил я о записной книжке.

– Да какой там... Всю ночь глаз не сомкнула, и сегодня весь день на ногах. – Роза замолчала, вспоминая не очень приятные похоронные хлопоты, и посмотрела на свои ноги и даже подвигала ступнями. Не заметив ничего особенного,

равнодушно махнула рукой. – Завтра посмотрю.

Нельзя сказать, что меня устраивала её беспечность, но на нет и суда нет.

С консультантом немного разобрались. Завтра надо будет найти его и расспросить об их делах с Тихоном и, самое главное, узнать, зачем же он приходил в день смерти Кручи. Возможно, реставратор что-нибудь знает о другом посетителе или встретился с ним в доме? Надежд мало, всё было бы слишком просто. Но если они видели друг друга, то, скорее всего, где-то уже остывает еще один труп. Только кого из них?

Не давая вдове расслабиться очередным поминальным розливом, от которого у неё начала замедляться речь, я продолжил:

– Роза, вы еще упомянули Лисовского.

– Осю? – Язык у Розы начал заплетаться.

– Да, что-то там об их беседе.

Интересно, насколько близкие у них отношения? Не каждого, да еще постороннему, называют по-домашнему, уменьшительным именем.

– Тихон любил старые телефонные аппараты. Вон, расставлены по всему дому, – начала издалека Розалия. – И все, между прочим, параллельные. Не любил, если мне звонили на мобильник, и просил общаться по городскому телефону. На старости лет следил за мной и подслушивал разговоры. – Похихикала без осуждения. – Тихон думал, что делает это

незаметно. Но я знала, и порой такие розыгрыши с подружками устраивала, что он валидол глотал горстями.

В другое время я мог позволить себе, ради учтивости, и пошутить, но меня интересовало не её шалости.

– Мы о Лисовском, – вежливо напомнил я.

– О Лисовском? Об Осе, – безвольно согласилась Роза. – Вы слушайте, слушайте. За несколько дней до смерти Тиша разговаривал с ним. Я случайно слышала.

– Помните, о чем? – напрягся я.

С вдовой начинали возникать проблемы: скажет правду или выдаст в отфильтрованном и дозированном виде?

– Помню, – решительно ответила Роза. И продолжила. – Иосиф Абрамович позвонил мужу в воскресенье. Мы еще собирались вечером ехать в Москву, в театр.

Я всем своим видом изображал внимательного слушателя, но Розалия была уже в таком состоянии, что могла порассуждать и сама с собой.

– Когда случайно, – с пьяной настойчивостью утверждала Розалинда, – повторяю, случайно подняла трубку, услышала, как Ося говорил... – Роза замолчала, потом налила себе рюмку. Я напрягся: только разговорилась, и может отрубиться. Но вдова, словно прочитав мои мысли, подняла рюмку, оценивающе посмотрела на содержимое, только пить не стала. – Он хотел, чтобы Тиша посмотрел и оценил ЭТО, – отрывисто и таинственно произнесла Розалия. И, не дав мне задать вопрос, продолжила. – Что, не поняла. ЭТО, и всё.

А еще Иосиф Абрамович сказал, чтобы Тихон был осторожнее. Не дай бог, с ЭТИМ что-нибудь случится, им обоим не сносить головы и откупиться денег не хватит. Всё. – Выговорив с таким трудом давшиеся слова, Роза резко запрокинула голову и выпила.

– А во время обыска или после тебе ничего необычного не попадалось? – Со слабой надеждой я помахал рукой, пытаясь изобразить «нечто».

– Нет. Ничего.

– А когда Лисовский привез ЭТО?

– Он к нам сам не приезжал, не любил он почему-то нашу Долину. Они с Тишей встречались у него в клубе, в «Козе».

– Где?! – не понял я.

– В развлекательном центре «Казанова». – Она удивленно посмотрела на меня: не знать таких элементарных вещей, на её взгляд, было неприлично. – Но раз Тише надо было что-то оценить, это должны были привезти сюда, домой. Как обычно.

– А кто? – не давая ей времени на раздумье, быстро спросил я.

– Не знаю. Наверное, без меня привезли. Петя, охранник, мог бы сказать, но его убили. – Глаза Розы опять затуманились.

Рассказ не внес ясности, скорее, усложнил. Теперь я знал только то, что Лисовский передал нечто ценное Круче, и эта вещь пропала. Наверняка, из-за неё и угрожали Розалинде.

Что же такое передали Тихону, за что его вдову хотят лишиться жизни? Вопросы к депутату накапливались.

– Ладно, – решил закончить с расспросами. – Завтра определяем координаты Ивана Ивановича и навестим его. Может он прояснит что-нибудь.

– Завтра, – согласилась она. – Надеюсь, ты не собираешься бросить меня здесь одну, на растерзание всякой сволочи?

Вопрос меня озадачил. Действительно, забыл, что ребята из «Скорпиона» уехали, и тревожить их опять, без особой надобности, не хотелось.

С другой стороны, на дворе ночь, надо ехать домой, а утром опять сюда возвращаться. А стоит ли разезжать туда-сюда? Вдова уже почти «готова», ей пора отходить ко сну, а я найду себе место, где прикорнуть до утра.

– Розалия, – осторожно начал я. – А у вас тут есть, где гостям остановиться? В том случае, если я решу составить тебе компанию.

– Не решу, а составлю! – требовательно заявила Роза. – Ты нанят меня оберегать, вот и охраняй. Твоя работа началась с сегодняшнего дня! – После некоторого раздумья добавила. – Вернее, со вчерашнего. Давай бумагу, подпишу.

Подписывать в тот момент что-либо было не совсем этично, ввиду её расслабленного состояния и во избежание последующих упреков. Но я запомнил эти слова и отложил процедуру до завтра. В решении остаться была «производственная» необходимость: сам виноват, что не оставил де-

журного на ночь, сам и должен нести вахту.

Я перестал поглядывать на часы, смирившись с неизбежным. Такое решение немного разрядило обстановку, мы как-то внутренне расслабились, и весь дальнейшей ход нашей беседы был похож на встречу старых добрых знакомых.

– Глупо скрывать, что я вышла за Тихона ради его денег, – пустилась в откровения Роза. – Только слепой не мог видеть слишком большой разницы в возрасте. Ты думаешь, меня осуждали? – Спросила и сама же ответила. – Ошибаешься. Мне завидовали. Тихон был самый перспективный жених в городе! – Сглотнув слюну и, рассмеявшись, добавила. – В предынфарктном состоянии. За такого любая пойдет! – Я не перебивал, давая высказаться. – У меня не было влиятельных родителей, способных пристроить свою девочку. Институты я не заканчивала, все моё богатство при мне. – Роза выпятила грудь и задрала голову, чтобы я мог воочию оценить её достоинства. – И мне повезло, потому что, приехав из маленького поселка, сразу смогла устроиться работать в «Козу». Там меня и заметил Иосиф Абрамович. Он ведь хозяин клуба.

Становилось понятным, откуда такое, чисто семейное, обращение «Ося».

– А Тихон?

– Там и с Тихоном познакомилась. Он был от меня без ума... Выгодная партия. Но как мужчина Тихон был полный ноль. – Розалинда развела руки в стороны с унылым видом. –

Изображал из себя крепкого и знойного мужчину. В его-то возрасте. Только смешил меня. Виагру пил пополам с валидолом. Наша близость в постели была тяжкой повинностью... Я с трудом преодолевала отвращение. В моих силах поддерживать уют в доме и скрашивать его одиночество, – печально признавалась Роза. – А любить Тихона... Не могла. Даже понимая, что ни в чем не буду нуждаться после его смерти...

Алкоголь развязал ей язык, и было поведано то, о чем ей следовало молчать. У неё, говоря следственным языком, был явный мотив желать смерти своему супругу. И если на горизонте замаячит молодой любовник, в чем я нисколько не сомневался, то вдову ждёт масса неприятных вопросов от людей в погонах.

Но Розалия твердо решила выговориться и рассказать о наболевшем, выбрав меня на роль исповедника и вывалив на обозрение грязное бельё. Только я не поп, чтобы отпустить грехи, и не мамка, которой можно поплакаться. Протрезвев, она ещё пожалеет об откровенности, но, будем надеяться, это не отразится на наших рабочих отношениях.

– Завтра же отдам бомжам его пропахшую потом одежду и вонючие туфли, – злорадно поделалась планами Роза. – Он её покупал в дорогих бутиках или шил у своего портного в Москве...

Бедный Круча! Плохо, когда над тобой смеются, еще хуже, если над твоим телом плачут. Но совсем ни в какие ворота

не лезет, когда смеялись над тобой живым, а по мертвому и плакать не собираются.

Представив, что скоро по помойкам в Долине будут лазить бомжи в костюмах от Версаче и модельной обуви, я развеселился, но, вспомнив покойного, предложил помянуть:

– Пусть земля ему будет пухом.

Вдова согласно кивнула, но не донесла рюмку по назначению – опрокинула на себя. Медленно встала, осмотрела намокший костюм и вышла из комнаты, бросив:

– Секундочку. Пойду, переоденусь.

Оставшись один, оценил сложившуюся ситуацию. Роза не корчила из себя глубоко переживающую жену, оплакивающую безвременно ушедшего мужа, и прямо сказала, что их отношения с Кручей были далеки от совершенства. Посыпать голову пеплом она не намерена. Ещё мне показалось, что вдова не настолько много выпила, чтобы облить себя. Или я стал не в меру подозрительным?

Розалинда быстро вернулась, и я отметил, что предчувствия меня не обманули. При её появлении вспомнилась фраза из фильма Шукшина «Калина красная»: «Народ к разврату готов!»

Её фигуру природа вылепила в классических пропорциях, соответствующим мировым стандартам: девяносто – шестьдесят – девяносто, при росте метр шестьдесят пять —шестьдесят восемь. Поверх прозрачной черной блузки, бывшей с утра, был накинут черный халат с красно-золотыми пету-

хами. Под петухами я подразумеваю изображения драконов, павлинов и прочей живности на подобных нарядах в восточном стиле. Сбоку были разрезы, для лучшего созерцания стройных ног, передвигающихся крадущейся кошачьей походкой. Исчезла черная повязка на голове, и теперь волосы спадали на плечи.

Я был удивлен, но не её преображением, а талантом вносить фальшь во все, что она делает. Количество перстней и колец, носимых одновременно на обеих руках, могло соперничать с набором подобного товара в витрине небольшого магазина. Роза и сейчас не отступила от своих, только одной ей понятных манер. Подготовленный для спальни наряд дополняли туфли на высоких каблуках, которые выглядели лишней деталью. Явно насмотрелась стриптизерш, и не удивился бы, увидев стриптиз в её исполнении. А может к нему и были направлены все приготовления? Ведь как порядочный человек я не мог отказать ей в такой тяжелый день, а как нанятый работник должен исполнить любое желание.

– Не слишком долго? – кокетливо спросила Роза, совершенно забыв, что только сегодня бросала горсти земли на крышку гроба.

Теплый розовый тон тела выгодно отличался от холодных красок халата. Она села и откинулась в кресле так, что колени задрались высоко кверху, увеличив мой обзор почти до поясницы. Нижнего белья на Розалинде не было.

От моего взгляда не ускользала ни одна деталь разыгры-

ваемого представления. Вероятно, в школьные годы Роза играла в драматической самодеятельности, но до настоящей профессионалки ей далеко – слишком неестественно распаховала и запахивала свой халатик, пытаясь выгодно подать свои прелести. Обзор был полный, я даже разглядел небольшую родинку около пупка. Стараясь принять, как ей казалось, выгодную и эффектную позу, Роза так перекидывала ногу за ногу, что чуть не задевала мой нос. Явное копирование Шерон Стоун из «Основного инстинкта». Но та легко и непринуждённо демонстрировала свои прелести, а Розалинда сильно переигрывала.

Бесплатный цирк начал тяготить меня, и я с опаской думал о той минуте, когда вдова потащит меня в постель. Неужели в семейное ложе, ещё не совсем остывшее от тучного тела антиквара?

То ли ей передались мои не очень веселые мысли, то ли она вспомнила об усопшем, но мрачные предчувствия не оправдались. Розалинда встала и попросила дать ей время, чтобы постелить в комнате для гостей.

Ушла и пропала. Я стал побаиваться, что забыла про меня, заснула, и самому придется искать пристанище на ночь. Но ошибся. Розалия появилась и поманила рукой с площадки второго этажа, я послушно пошел за ней. Она проводила в комнату, любезно пригласив:

– Располагайся, – и вышла, прикрыв дверь.

Комната была небольшой и уютной. Около кровати стоял

столик, на котором заботливой рукой были установлены напитки и ваза с фруктами. Вдова не зря отсутствовала, сумела угодить.

Почти заснув, услышал как в дверь осторожно поскреблись. Предчувствие подсказало, что в одиночестве спать не придётся.

– Кто там? – Поинтересовался я, через мгновения поняв, что вопрос звучит, по крайней мере, глупо. Кого можно там ожидать? Нас в доме только двое.

Включив ночник, подошел к двери. На пороге стояла Розалинда.

– Мне страшно одной. Я боюсь и никак не могу уснуть.

Вдова по-хозяйски вошла в комнату и, без лишних предисловий, скинула халат и осталась лишь в сверкающих украшениях на руках.

Спектакль подходил к финалу.

Розалия ткнулась лицом в грудь, словно ища защиты и сочувствия, потом крепко прижилась телом и, увлекая за собой, упала на кровать. Её губы впились в мои, а руки заскользили по спине. Это доставило несколько волнительных минут – я не забывал об устрашающих перстнях, которые могли оставить глубокие борозды на коже.

Но всё обошлось, к удовлетворению обеих сторон.

Когда мы с вдовой предавались любовным утехам, из под кровати вылез огромный Круча и с яростным мычанием набросился на нас. На его голове нелепо торчали развесистые рога, которыми он норовил подцепить меня под зад. Наполнив комнату благим матом, я бросился бежать, но дверь оказалась закрытой. Тихон настиг меня и пришпилил к двери рогом, подобно коллекционеру, насаживающего дохлого жука на булавку в своём альбоме.

Громко застонав и в ужасе открыв глаза, осторожно ощупал себя. Вроде цел, но все тело покрыто чем-то липким. Поднеся руку к глазам и не обнаружив следов крови, догадался, что это пот – я был покрыт им, как после парилки. Жизнь снова возвращалась в брненное тело и можно было расслабиться – мертвые не потеют, это я знал наверняка, ещё с уроков биологии в школе.

Розалинда безмятежно посапывала рядом, а я приходил в себя, после страшного сновидения. Правильно предостерегает народная мудрость: не поминай лихо, пока оно тихо. Так ведь и вышло – проговорили весь вечер о покойном, он и навестил.

Решительно поднявшись и отыскав душ, с наслаждением подставил тело под не слишком горячие струи, согнавшие остатки сна и последствия кошмарного видения. Выйдя

из ванной, услышал, что в кухне уже звенит посуда – Роза тоже встала.

Несмотря на непродолжительное знакомство, я смог убедиться, что вдова не столь однозначная натура и многое делает по-своему. Ей не нужен поводёр, она сама выбирает дорогу и направление, в котором будет двигаться. Верность выводов Роза тут же подтвердила. Никакого сюсюканья, обращений типа «дорогой» и «милый», намеков на бурную ночь. Единственно, в чем были изменения, стала обращаться по имени.

– Розалия, а почему в доме нет сигнализации, видеонаблюдения? Собаки, наконец? – уютно устроившись в кресле с чашкой кофе, поинтересовался я.

– А зачем? – удивлённые брови взлетели вверх. – Был Петья, он охранял и возил Тихона. Собака раньше была, но я их боюсь. И после свадьбы добилась, чтобы Тиша избавился от неё.

– А видео?

– Камерам и другим современным штучкам он не доверял, хотя я предлагала ему установить. Но он считал, что все его знают и любят, – хмыкнув, закончила вдова. – Думал, что дружба с влиятельными людьми – гарантия его безопасности. Сам он умер или нет, но охранника-то убили, и не помогли хваленые дружки. У него были связи и с Управой, и с полицией, и с уголовниками он знался, работа такая.

– Учтем и охрану поправим. – Вдова с благодарностью по-

смотрела на меня. – Технику сделаем по стандарту, а по личной безопасности позже обсудим. Желательно, чтобы за мониторами постоянно наблюдал один человек. Здесь, в доме. Второй может быть водителем и охранником, как был Петя у Тихона Андроновича. Или совместим в одном выполнении всех функций и введем больше автоматике.

– Учту рекомендации.

– «Скорпион» предоставляет такие услуги, – ненавязчиво убеждал я. – Директор мой хороший знакомый, подготовка у них на достаточном уровне, многие раньше служили в органах.

– Пусть готовят договор, и подберите мне пока одного человека, – лениво, будто речь шла не о ней, отозвалась вдова. – Дальше посмотрим. – И добавила. – Только чтобы он кроме «да» и «нет» мог и ещё что-нибудь говорить. Ведь мне все дни придется с ним общаться.

– Можешь не сомневаться. Они тебе не смогут надоесть. – Я выделил слово «они».

Роза удивленно посмотрела, не совсем улавливая смысл.

– Услуги предоставляет фирма, и охрана будет меняться. Работа с подменой, им тоже отдыхать надо, – пояснил я. – Разнообразие лиц тебе обеспечено.

Роза равнодушно повела плечами и небрежно бросила:

– Теперь о нашем договоре.

Вдова, ко всем своим особенностям, начала проявлять замеченную мною практическую хватку.

– Что ты конкретно хочешь?

– Жизнь. Ты осуществляешь её сохранность до устранения опасности, о которой я рассказывала. – Коротко и ясно. Если бы ещё так просто устранить причину её страхов! – Привлекаешь свой «Скорпион», кого угодно. Расходы по ним готова оплачивать в конце каждой недели. Будешь предоставлять счёт. – Правильно, жизнь стоит любых денег. – А с тобой договоримся так. Ты ставишь в контракте разумную сумму, и половину выплачиваю сразу после подписания.

Быстрота и продуманность решений приятно удивила. Могло создаться впечатление, что вдова всю ночь над этим только думала, но я же знал, что это не так. Хотя нельзя было исключить, что всё продумано намного раньше, сейчас идёт отвлекающий маневр, смысл которого я не понимал.

– Вторую половину получишь после устранения причины моего беспокойства, – не спрашивая согласия, постановила она. – Я лично должна признать решение проблем полностью.

А если не признает? Довольно жёсткие условия, которые надо учесть в стоимости контракта. Ничего не поделаешь, рыночные отношения.

– Приемлемо, – выдохнул я.

Самый деликатный вопрос был решен. Я перешел к практическим советам: как уберечь себя, остаться живой и невредимой. Что говорить, как общаться с теми, кто по долгу

службы, в корыстных или других целях, а то и просто ради любопытства, будет контактировать с ней и расспрашивать о случившемся.

– Розалия, ты уже имеешь опыт общения со следователями.

– Да уж... – на лицо набежало облачко.

– Несмотря на кажущуюся тебе глупость или неуместность задаваемых вопросов, они подчинены установленным правилам – выяснению всех обстоятельств дела, отработке всевозможных, даже невероятных, версий.

Невинные глаза уставились на меня, и было непонятно – понимает их обладатель что-либо или нет?

– Ничего не придумывай. Иной раз правда оказывается фантастичнее любого вымысла. – Я сделал паузу. – И главный вопрос, на который будут искать ответ следователи: кому выгодно?

По изменившемуся выражению лица, понял, что до неё дошло, к чему я клоню.

– Ты имеешь в виду меня? – Голос был испуганным и возмущенным одновременно.

– Не я. Так складываются обстоятельства. Ты единственная, кому досталось наследство Кручи.

– Ну и что?

– Роза, думаю, не следует рассказывать следователям про ваши розыгрыши мужа по телефону, после которых он хватался за сердце, – небрежно предупредил я. – Могут непра-

вильно понять.

Казалось, что халат у неё сейчас затрещит и разорвётся под напором груди, которая как нос корабля перед абордажем заходила вверх-вниз. От возмущения вдова не могла вымолвить ни слова, и только справившись с охватившим гневом заорала визгливым фальцетом:

– А я не с каждым встречным делом койку! – Вот так, провести ночь с девушкой еще не повод для знакомства с родителями. – Надеюсь, мои вчерашние откровения ты не используешь против меня? – Роза опять вернулась к своему фирменному стилю ставить все с ног на голову. – Как вчера использовал беззащитное состояние не совсем трезвой и слабой женщины?

Вот и запоздалое раскаяние в чрезмерной откровенности. Я спокойно перенес злобные, ненавидящие взгляды, руководствуясь словами моего мудрого напарника: спорить с женщиной, что плевать с верблюдом.

– Розалинда, – вкрадчиво успокоил я, – пойми, что лучше, чтобы слушателем был я, а не кто-нибудь другой.

Эти слова начали приводить в чувство, здравый смысл взял верх над эмоциями.

– Конечно, лучше, – кокетливо проворковала Розалия. – Как-нибудь мы повторим.

У неё буря в одночасье сменялась полным штилем, но, осознав неуместность игривого настроения, Роза переменяла тон:

– И долго?

– Ты про официальное следствие? Следователь должен провести дознание и вынести решение в ближайшее время. Но могут продлить до десяти суток, а, при необходимости, и до месяца. А так как есть труп с признаками насильственной смерти, то будет возбуждено уголовное дело. И будут искать убийцу, и устанавливать мотив убийства.

– Сколько времени?

– Пока не найдут. Или не закроют дело. Ты оказалась втянутой во всё это. В стороне остаться не удастся.

– И я должна буду участвовать во всем?

– Не всегда. Ведь не ты убила?

Вдова отрицательно затрясла головой и поинтересовалась:

– А неофициальное расследование?

– Наше? Как получится... – в тон ей ответил я. Но, чтобы не перегибать, поправился. – В реально сжатые сроки, чем быстрее, тем лучше.

За окном раздались сигналы машины, вдова пошла встречать приехавших из «Скорпиона». Они быстро доделали свою работу. Я решил с Борисом, к его большому удовольствию, вопрос о постоянном дежурстве в доме Кручи и поднялся к Розалинде, уже одетой, с рассаженными по своим гнёздышкам, то есть пальцам и запястьям, кольцам, перстнями и браслетам.

– Пойдем, посмотрим адрес Ишутина, – поторопил я.

В кабинете Тихона всё перевернули, но записной книжки

не нашли. Был повод для раздумий, но это не помеха моим поискам. Пока я решил заняться Иваном Ивановичем, так как место работы известно.

На следующий день, в понедельник, приехав в Краеведческий музей, мы мило разговорились с директором. Нашлись общие знакомые и я, не вдаваясь в подробности и не особенно ища правдоподобных объяснений, просто сослался на поиск реставратора, который, как говорили, работал здесь.

Директор, Николай Фёдорович, с гордостью подтвердил сведения о разыскиваемом мной специалисте, и рассказал об Ишутине, старожиле музея и отличном реставраторе живописи, к которому даже приезжали клиенты из Москвы.

Предки Ивана Ивановича, как и он сам, потомственные казаки, жили и служили в этих краях, а сам он приехал сюда к родным – учиться. Окончил в Москве художественное училище по специальности «реставрация, консервация и хранение произведений искусства». Получил необходимые навыки живописи и иконописи. После окончания училища – армия. Вернувшись, стал учиться в Суриковском институте на факультете живописи. С деньгами трудно, родные не в состоянии были помогать, устроился подрабатывать в художественном центре Грабаря, где овладел методикам реставрации. Диплом так и не получил. Тяжело заболел родственник в нашем городе, и Ишутин из общежития переселился сюда, целый год ухаживая за больным. После смерти ему остался в наследство дом в Кирпичном поселке, он его привел в по-

рядок и остался жить. Так как законченного высшего образования не было, устроился в Краеведческий музей. Здесь занялся работой по душе – изучением в нашем крае жизни и быта казачества, принадлежностью к которому реставратор гордился. Зарплата в музее и вправду была мизерной, но полученные навыки, трудолюбие и любовь к живописи и иконам дали дополнительные заработки. Директору музея такой работник был дорог – довольствуется тем, что давали, лишнего не требует. И на устроенную Иваном Ивановичем в музее небольшую реставрационную мастерскую смотрели сквозь пальцы. Наоборот, даже приводил туда посетителей и знакомых: вот какие у нас специалисты работают.

Выслушав эту биографическую информацию, я попросил Николая Фёдоровича проводить меня к Ивану Ивановичу и познакомить:

– А дальше мы сами обсудим все вопросы, – предложил я.

– Не знаю, сможет ли он вам сейчас уделить время, – засомневался директор. – Дело в том, что у нас гости, коллеги из Воронежа. Он давно с ними работает, восстанавливают границу расселения казачества в наших краях.

– Мы их не будем отвлекать, нам только договориться о встрече.

– Интересные вещи рассказывают, – он не слушал меня. – Оказывается, здесь всегда селились люди. Под Воронежем нашли стоянку древнейших людей, возраст исчисляется десятками тысячелетий. Переворот в науке. Прародина перво-

го человека здесь, у нас, в России, на исконно казачьих землях.

Познавательное, но ничуть не приближало к цели. Пожелав лично посмотреть на таких знаменитых краеведов, я «подтолкнул» его в нужном направлении, и мы пошли знакомиться.

Ишутин был сухощавым, с военной выправкой, пожилым человеком, в районе шестидесяти – шестидесяти пяти. Умное, подвижное лицо. Кустистые брови нависали над карими глазами, над аккуратным очерченным ртом торчали лишние усы.

В такой компании, объединенной общим делом, я чувствовал себя совершенно посторонним человеком. Иван Иванович радушно предложил:

– Давайте с вами встретимся вечером. У меня дома. Попадём чайку, поговорим в спокойной обстановке. Нам мешать никто не будет.

– Согласен, давайте адрес.

– Вы знаете, где Кирпичный посёлок? – Я утвердительно кивнул. – Улица Молодежная, дом двадцать три, частный дом.

– Во сколько? – Меня обрадовало его быстрое согласие на встречу.

– Давайте после восьми. К этому времени провожу гостей и точно освобожусь.

Попрощавшись, позвонил Васе:

– Новости есть?

– Да, есть небольшой улов. Немного, но для раздумий хватит, – словно радуясь чему-то, доверительно сообщил он. – А у вас?

– Тоже. Давай через час «У Ромы», – предложил я. – Заодно и поедем.

«У Ромы» группа Энималс исполняла «Дом восходящего солнца», а мы приступили к обмену добытой информации.

– Начинай, – сделав заказ, кивнул Василию.

– По охраннику. Петр Старомыслов, тридцать семь лет.

– Давно у Кручи?

– Шесть лет, – коротко отчеканил Василий.

– Как убит?

– Очень интересным способом, – ухмыльнулся он. – Кто-то вогнал ему в мозг, через глаз, длинный, острый и узкий предмет. Смерть наступила мгновенно.

– Как ты думаешь, ты бы подпустил к себе незнакомого человека настолько близко, что он мог проткнуть глаз?

– Никогда. Явно был знакомый ему человек, – уверенно ответил Вася.

– Орудие убийства найдено?

– Нет?

– А что думает эксперт об орудии убийства?

– Судя по входящему отверстию, орудие убийства похоже на пилку, – самодовольно продолжал Вася и, выждав театральную паузу, добавил. – Пилку для ногтей.

Образ вдовы мгновенно возник перед моими глазами. Но подозрительное орудие убийства еще ни о чем не говорит.

– Что по Круче?

– Тут намного запутаннее. Умер он от сердечной недостаточности, – продолжил Василий. – Но есть одно «но». Опера, выезжавшие туда, рассказали, что в комнате, где на стуле сидел покойник, под столом они нашли смятый полиэтиленовый пакет.

– Ну и что, мало ли, где могут оказаться использованные полиэтиленовые пакеты? Может, в нем лежала какая-нибудь антикварная безделушка или недавно купленные носки?

– Такую находку правдоподобнее обнаружить в кабинете, а не зале, где ему совершенно не место. И пакет был достаточно большой, чтобы налезть на голову, и помят так, словно его одевали и пережали внизу, на шее, перекрыв доступ воздуха.

Молодец Свистун, не только трепал язык с бывшими сослуживцами, а сумел быстро добыть нужные сведения.

– Что говорит эксперт?

– Сначала ничего не говорил, но после рюмки коньяка высказал догадку, что проблемы с сердцем мог спровоцировать недостаток кислорода. Впрочем, это личное мнение. А значит, в официальном экспертном заключении будут только факты, без всяких домыслов.

– Выходит, – я чувствовал себя, как гончая почуявшая след, – Тихона пытали и перестарались.

– Не факт, – продолжал удивлять меня Василий. – Во время обыска один из оперов обратил внимание на нишу под лестницей, вернее, на следы белого порошка, хорошо знакомого работникам органов. Он его собрал в пакетик и к эксперту.

– Наркотики? – Выдохнул я.

– Да, – торжествующе подтвердил Свистун. – Вероятно, зацепили и надорвали упаковку.

– Итак, появляется основная версия, – подвел я итог. – Наркотики. Из-за них убиты два человека. Тогда с Тихоном не перестарались, а добились чего хотели и убрали, как и охранника, оказавшегося ненужным свидетелем. Но если предположить, что это был знакомый человек, то...

– Вдова, – выдохнул Вася.

– Как версия имеет право на существование, хотя есть нестыковки, – стал я размышлять вслух. – У неё требовали вернуть то, что ей не принадлежит... Но после убийства! Да и звонили ли вообще? Зачем нанимают нас за большие деньги? Или мистификаторша, или здесь стечение обстоятельств. И не в пользу нашего клиента. Нет убедительных доказательств ни «За», ни «Против».

Не вдаваясь в подробности, я рассказал, о чем мне поведала хмельная вдова, не рассчитавшая свои силы. О пикантной стороне нашей встречи я благоразумно промолчал.

– Что у трезвой на уме, то у пьяная... всегда делает, – развеселился Василий.

– Лишь бы плакать не пришлось. Не сомневаюсь, что заработанные у вдовы деньги доставят нам большие хлопоты.

– И мы прольем немало пота, – закончил за меня Василий. – Главное, без лишних жертв.

– Накаркаешь! Но что-то мне подсказывает, что жертвы ещё будут. – Предупредил я. – Разузнай, что сможешь, про наркотики. Мелочь нас не интересует, да и Круча бы не опустился до уличных жучков. Только те, через кого идет поставка и оптовая торговля. Нам не так важны улики, как имена. Доказательства пусть ищет милиция.

– Полиция, – поправил меня Вася.

– Милиция, полиция – никак не привыкну. Раньше были менты, то сейчас кто: понты?

– Полицаи, – довольный каламбуром, рассмеялся Вася. – Помните ребят из Наркоконтроля, что были с нами на Кавказе? – Я утвердительно кивнул. – Давно с ними не встречался, забегу пообщаюсь. У них в оперативной разработке эти сведения должны быть.

– А скажут?

– Я же у них не буду спрашивать пароли и явки, и маршруты переброски наркоты. Просто имена наших наркобаронов, а они есть.

– Есть. Кручу пытали, чтобы отнять наркотики, значит, есть и те, кто их заказал, и те, кому они были нужны. – И напомним Василию. – Нам надо помочь определить причину страхов вдовы и устранить их. В конце концов, мы не убийц

ищем, а охраняем её покой.

– Покой – от слова покойник? – с невинным тоном уточнил Василий.

– Шутник... – Я не поддержал его веселого настроения. – Что-нибудь узнал о Лисовском?

– Так, в общих чертах. Зовут Иосиф Абрамович, думаю, вам не нужно объяснять, какой он национальности. В своих кругах и у нас, и в области – он среди первых. Жертвовал на синагогу, помогает каким-то своим молодёжным кружкам при школах. Вообще, добропорядочный и уважаемый еврей. Третий срок подряд избирается в районную Думу, руководит комитетом по собственности и земельным отношениям. Заместитель губернатора, курирующий такие же вопросы, весьма ему благоволит. Думаю, не из чисто спортивного интереса, а оттого, что Лисовский обильно смазывает колеса его телеги.

– Что еще интересного?

– Наша подмосковная земля имеет достаточно высокую стоимость, и желающих построить здесь дачу или коттедж, хоть отбавляй. Так вот, Лисовский стал известен именно по участию в организации и проведению первых аукционов по продаже земли, готовил всю нормативную базу. Ходили слухи, что участки доставались своим людям и фирмам. Прокуратура на заявление бдительных граждан никак не прореагировала. Здесь уже вам карты в руки, поинтересуйтесь у бывших коллег.

– Хорошо, – согласился я. – Но завтра. Сегодня весь день уже распланирован. Всё?

– Нет. Ещё наш Лис, – посмотрел на меня Вася. – Я его так для краткости называть буду.

Я согласно кивнул головой. При расследовании, для облегчения понимания задачи, фигурантам присваивались псевдонимы, под которыми их легче запомнить и не путаться в фамилиях, именах и отчествах. Ишутину также дали псевдоним, даже два – Казак или Реставратор.

– Так, вот, наш хитроумный депутат имеет две гостиницы, ночной клуб «Казанова» и совладелец других подобных заведений здесь и, говорят, в Москве. Надо посмотреть по реестру. Но, наверняка, оформлено на маму-папу, брата-свата или еще какую-то родню.

– Сто процентов. Они ведь подают декларацию о доходах, которая публикуется. И надо показать избирателям прилизанную и отшлифованную картинку. Так что все концы попрятаны в воду.

– Больше всего врут перед выборами, сексом и после рыбалки и охоты. – Подытожил Василий. – А еще в этих клубах трутся молодые привлекательные девушки, оказывающие определенные услуги. И не всегда бескорыстно.

– Если есть деньги, их должен кто-то считать и направлять ручейки а единый денежный поток.

– Правильно. И делают не эти дурочки, торгующие собой. Над ними «мамки» и, конечно, хозяин всего бизнеса. Здесь

есть, над чем задуматься.

– Конечно. Между прочим, Роза познакомилась со своим покойным мужем именно в «Казанове», а на работу её туда взял наш депутат. И не кто иной, как Лисовский звонил Круче незадолго до смерти и говорил «чтобы Тихон посмотрел, оценил и был осторожнее, так как в случае утраты им грозят неприятности».

– По словам вдовы. А кто ещё слышал? А если врёт? – обрушил на меня град вопросов Василий. – А если ненавидит своего бывшего хозяина, за то, что он подкладывал её под клиентов и решила отомстить?

– Тогда не стала бы его ласково называть Осей. Но давай не будем гадать на кофейной гуще. Нам сейчас остается одно – собирать факты. Роза сейчас в относительной безопасности, но всё очень зыбко. Надо установить, от кого исходит угроза. К сожалению, вдова – плохой помощник. Не договаривает, пытается остаться в стороне. А признается в чём-то лишь тогда, когда припрешь к стенке и деваться некуда.

– Вот и флаг вам в руки, для вас самые подходящие условия. Женщина без мужчины, что гусеница без дерева. – Усмехнулся он и хитро посмотрел на меня. – Вы за один вечер узнаете больше, чем я за неделю. Припрете как следует, не к стенке, а к кровати, всё расскажет под тяжестью тела.

– Ладно, заканчиваем, – сказал я, поднимаясь. – У нас одни загадки, но треугольник один образовался: Тихон – Роза – Лисовский.

– Значит, до завтра?

– Да, до завтра. Вечером увижусь с Казаком-Ишутиным. Что-то он должен рассказать о посещении Кручи в день убийства. Будем надеяться, что эта встреча внесет хоть какую-нибудь ясность.

6

Выходили из кафе под рок Билла Хейли, голос которого уже притягивал вечерних посетителей. Сев в машину, я поехал в самую старую часть нашего города, где встречались ещё покосившиеся великовозрастные избышки, ровесницы позапрошлого века.

Поселок, являвшийся целью моей поездки, назывался Кирпичным из-за расположенного в нем завода, который недавно отметил своё двухсотлетие.

Здесь первоначально обжигали кирпичи, глиняную посуду и игрушки. Теперь завод выпускал только кирпич по новой итальянской технологии, не требовавшей большого числа рабочих. Большинство жителей перешло работать на другие предприятия, но старые дома не бросали и жили в поселке несмотря на то, что городские власти предлагали им квартиры в новостройках, а здесь планировали построить новый микрорайон. Они упорно не соглашались расставаться со своей собственностью и подозревали, что за свои клочки земли могут получить значительно большие суммы. Администрация города не могла убедить их в обратном.

Об обостренном противостоянии города и поселка говорила скудность освещения и царящая тишина. Фонари практически отсутствовали. Похоже, городские чиновники надеялись, что в кромешной тьме «несогласные» поубивают-

ся в темноте или, переломав руки и ноги, не захотят здесь жить дальше и переедут, а проблема решиться сама собой. Но местные ходили осторожно, сами засыпали опасные ямы битым кирпичом, которого в отвалах было предостаточно, и, назло врагам, которыми для них была вся чиновничья братия, продолжали жить и размножаться.

В сумерках пришлось потрудиться, чтобы найти нужный адрес. Бревенчатый дом Ишутина являл собой не самого лучшего представителя давнего времени. От старости просел в землю, бревна были почти черными, но, в отличие от соседних, не покосился, а гордо держался прямо. Видно было, что за ним присматривают. Внутри тесновато, но чистенько и ухожено. По обстановке чувствовалась забота и любовь хозяина к своему жилищу.

В углу висели иконы, горела лампадка. На стене настоящая казачья фуражка, около двери нагайка. На противоположной стене – шашка и кинжал. Я с уважением посмотрел на оружие казаков и поинтересовался:

– Настоящие? – Видеть казачью атрибутику приходилось только в музеях и кино.

– Настоящие. – Иван Иванович подошел к шашке и с любовью погладил. – У казаков шашка – символ полноты прав казака.

– И каждый казак имел шашку?

– Конечно. Шашка вручалась стариками казаку в семнадцать лет. – Он прошел к столу и сел. – Но за особые заслуги

могли дать раньше. Присаживайтесь. – Он сделал широкий жест рукой. – В ногах правды нет.

– И часто такое случалось?

Ишутин понял, что я спрашиваю про шашку.

– Бывало. Ведь казачонка с малых лет сажали на лошадь, и он уже малолеткой, как их называли, ездил на ней как взрослый казак. – Он улыбнулся. – Почти.

– А что же такое он мог сделать, чтобы отличиться?

– Не забывайте, казаки – служивые люди. Их использовали, в первую очередь, при охране государственных границ. А там всяко случалось, и малолетка мог отличиться, за что и получить шашку раньше времени. – Чувствовалось, что говорить о хорошо знакомых традициях ему в удовольствие. – Но без нужды шашка не снималась со стены и не вынималась из ножен. Передается от деда к внуку, когда старик терял силы и менял шашку на посох. На казачьем кругу и голосовали шашками. Не обладающий полноправием кинжал носить не смел. Только казакам разрешено приходить в церковь при шашке и в момент слушания Евангелия обнажать наполовину, что означало готовность казака стать на защиту христианства. Их и называли, и они сами себя считали – воинами Христовыми. – Он поднялся, подошел к стене и снял кинжал. – Кинжал же передавался только после смерти казака.

– А если некому передать? Мало ли что?

– Когда в роду не остается наследников, шашка ломается пополам и укладывалась в гроб, – ответил он с печалью в го-

лосе. – Мою ждет эта участь, детей Бог не послал.

Оказывается, можно много узнать о семье казака по убранству в доме, зная обычаи. Вещи сами подскажут: кто жив, кто умер и есть ли дети у хозяина.

– Шашку, кинжал и шапку казак мог потерять только вместе с головой. Их удасть и храбрость отметил еще Наполеон после того, как казаки основательно потрепали его армию и нанесли решающие удары под Бородиным и Малоярославцем в Отечественную войну. Непобедимый до того времени полководец заявил: «Если бы у меня были казаки, я завоевал бы весь мир».

– Это легенда или достоверное изречение?

– Про слова – может и легенда, но храбрости и удали казачьей меньше не станет. – Повесив на место кинжал, Иван Иванович снял нагайку.

– Еще одно старинное казачье оружие – нагайка. Была эффективна в ближнем бою. Но применялась в старину и на охоте. Казак, жалея порох, на скаку догонял и убивал нагайкой волка, зайца или зверя покрупнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.